

*Счастье – исключение
из всех арифметических правил.
Если разделить его надвое –
станет вдвое больше*

ТАТЬЯНА ТРОНИНА

Злюка

Татьяна Трoнина

Злюка

«ЭКСМО»

2012

Трoнина Т. М.

Злюка / Т. М. Трoнина — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-59493-1

Марго часто называли злюкой. Ровно потому, что она не находила нужным лицемерить, сюсюкать и умиляться при виде пушистых котят и толстощеких розовых младенцев. Но это вовсе не значит, что она не умела чувствовать. Напротив, Марго как раз из тех женщин, что умеют пронести любовь через всю свою жизнь. Только вот подходящий ли объект она выбрала?..

ISBN 978-5-699-59493-1

© Трoнина Т. М., 2012

© Эксмо, 2012

Татьяна Тронина

Злюка

Все совпадения случайны.

Новостная строка в Интернете.

Марго радуется своих читательниц новинками.

Известная писательница, работающая под псевдонимом Марго, представила читающей публике свой новый роман «Я и Ты». Презентация прошла вчера вечером в модном московском клубе «Бультерьер». Присутствовал весь литературный бомонд столицы – от писателей до представителей издательства. Поклонники, вернее, поклонницы Марго, также не смогли проигнорировать это событие.

Литературный критик Агния Газгольдер: «Формально Марго сочиняет детективы. Но в каждом – сто пудов любви! Тем не менее книги Марго выгодно отличаются от прочих женских мелодрам, которые публика иногда называет «розовыми соплями». Дело в том, что детективная линия добавляет в ее сюжеты «перчинку». Кроме того, Марго не забывает о столь необходимой правде жизни. Историям, рассказанным писательницей, веришь, а хорошо продуманная интрига не отпускает до тех пор, пока не будет перевернута последняя страница. Марго – мастер психологической прозы, скрупулезно выписывающая тонкую сюжетную ткань романа...»

Под статьей следуют снимки. Фото интерьеров клуба «Бультерьер». Фото гостей клуба – яркие наряды, бокалы в руках, тарелки с канапе. Посетители оживленно беседуют. Несколько хорошо узнаваемых лиц – телеведущий, светская дива, популярный актер. Остальные личности неизвестны. На всех картинках настойчиво мелькает миниатюрная блондинка а-ля Мэрилин Монро, неопределенного возраста. Скорее всего, это и есть та самая Марго. Она не выпускает из рук бокал с шампанским. На одном из фото писательница смеется, рот ее чуть перекошен, и можно сделать вывод – женщина изрядно пьяна.

Комментарии под статьей:

Пал Палыч: «Да чтоб вы все сдохли, газгольдеры проклятые!»

Герцогиня: «А кто эти люди? И кто такая Марго, самое главное? В первый раз слышу о такой писательнице».

Утренняя Роза: «Очень люблю Марго, прочитала все ее книжки! Обязательно куплю новый роман. Критик Агния говорит правду – оторваться невозможно! Интересно и трогательно!»

Пал Палыч: «Сколько тебе заплатили, Роза Газгольдеровна?»

Утренняя Роза: «Ну почему вы сразу про деньги, я совершенно искренне говорю!!!»

Мелани: «Обычно я никогда не пишу комментарии, но тут не сдержалась. По какому праву никому не известных авторов, да еще пишущих сомнительные криминальные мелодрамы – на потребу скучающим домохозяйкам, называют писателями? Писатели – это Толстой и Достоевский, это Чехов и Бунин... Не смейте произносить этого слова всуе! Россия – страна великих литературных традиций. Почему теперь все, кому не лень, называют себя писателями?»

Утренняя Роза: «Мелани, поверьте, Марго не такая. Она действительно замечательная писательница!»

Мелани: «Ну вот. Милая Роса, я уважаю Вашу преданность Марго, но поражена Вашей неразборчивостью как читателя! Я, как преподаватель литературы с пятнадцатилетним стажем...»

И т. д. и т. п.

Еще 175 комментариев. (Читать все.)

* * *

Марина Игоревна Артемова проснулась ранним январским утром, скорее похожим на глубокую ночь.

Но недаром Марина Игоревна была известна на просторах Интернета под ником Мелани. (Мелани – это персонаж из романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром». Пожалуй, это был единственный любовный роман, которому женщина давала шанс на жизнь. Скарлетт, грубую самодурку, Марина Игоревна недолюбливала, а вот ее антагонистку – Мелани – обожала. Эта энергичная, доброжелательная, позитивная леди... Если и быть на кого похожей, то только на нее. И неважно, что Скарлетт пережила свою соперницу. Мелани – вот пример настоящей женщины. Мелани – называла себя Марина Игоревна мысленно, обращаясь к себе в третьем лице. Да здравствует Мелани!)

Так вот, Марина Иг... ой, нет, Мелани, проснувшись мрачным темным утром, подобно своему литературному идеалу, не позволила себе малодушно валяться в постели, нежиться и расслабляться, а сразу вскочила. Накинула на себя халат, постучала в комнату сына:

– Лешка, вставай! Нас ждут великие дела! – И помчалась в ванную комнату.

Душ, мытье головы, укладка волос... Все быстро и аккуратно. Благо волосы были очень короткими. Со спины Мелани напоминала мальчика, особенно в джинсах, свитере, удобной обуви без каблуков – своем привычном, обыденном наряде. Когда-то давно, в юности, она играла в любительском театре, и руководитель студии хвалил Мелани, соблазнял перспективами.

– Мариночка, у тебя талант. Ты должна поступать в театральное! – не раз говорил он. – Героиней ты вряд ли станешь, а вот амплу трагедии – только твое. И это хорошо, потому что героинь на каждом углу по десять штук, а трагедии не хватает. Без дела никогда не будешь сидеть!

Трагедии обычно играют на театральной сцене маленьких мальчиков или девочек. Малыш (в паре с Карлсоном), Пеппи Длинныйчулок, Гаврош, Маленький Принц... Все эти роли должны были достаться Мелани-Марине.

Но, к счастью, Мелани провалилась в театральное, а вот в пед поступила. К счастью, потому что театры (а особенно – ТЮЗы, чьей звездой могла бы стать Мелани) переживали не лучшие времена. Да и пьесы для детей драматурги перестали писать. Оставаться вечным Гаврошем?.. Словом, оптимистка Мелани решила, что при своем характере она завяла бы в статичных театральных декорациях. Куда больше по душе ей было живое общение с детьми в школе, ежедневный разговор с ними на самые разные темы.

Женщина преподавала в старших классах литературу, а свободное время проводила в Интернете. У нее был свой блог, своего рода дневник, в котором Мелани рассказывала о работе, о событиях своей жизни – где была (театр, кино, выставки), что видела, делилась впечатлением от прочитанных книг и все такое прочее... Блог Мелани был *культурным*, и все ее виртуальные друзья тоже являлись людьми культурными, равнодушными и высоконравственными. Всех прочих она безжалостно отсеивала, или, как принято говорить на интернет-сленге, отфренживала.

Мелани не считала время, проведенное в Сети, пустой тратой времени. Наоборот, вся та нравственная, непрерывная работа ее души была теперь навечно запечатлена в слове, а ее размышления – поддержаны и углублены друзьями, разбросанными по всей России (да и по миру).

Виртуальная дружба, в отличие от реальной, имела несомненные плюсы – она объединяла большое число единомышленников, она избавляла от телесной неприязни и ни к чему не обязывала. Общение свободных душ – вот что это было!

В реальной жизни Мелани была не слишком счастлива. В реальности ее окружали совсем не те люди, с которыми она хотела бы общаться. Вокруг оказалось полно дураков и сволочей. И, опять же, людей телесно неприятных. Мелани раздражали запахи (нечистота, резкий запах духов, табака, недавно съеденной пищи), звуки (шмыганье носом, кашель, тембр голоса), излишне вызывающая одежда... Детям еще можно было простить неаккуратность, но терпеть ее от взрослых людей – невыносимо.

Причем Мелани в открытую ни с кем не ругалась, ничем не возмущалась, когда ей приходилось общаться с неприятным ей человеком, она страдала молча и деликатно.

А вот в виртуальном же мире все было чистым, идеальным, отредактированным. Совершенным.

Мелани когда-то, по молодости, все-таки умудрилась выскочить замуж. Студенческая любовь...

Муж был человеком неплохим, но каким-то слабовольным, вялым, инертным. Сколь ни пыталась зажечь его Мелани, он все равно оставался кисляем, тюфяком. Это не так страшно, хуже оказалось другое – муж позволял себе гулять. Причем по той же самой причине. Оттого что у него не было силы воли. Его позовет какая-нибудь женщина – он и идет за ней... Потом кается, конечно. Но проходит время, и опять его увлекает чья-то юбка. И до бесконечности... А сдержаться, а проявить волю – никак. Хотел, да, хотел! – но не мог...

В конце концов Мелани это надоело, и они развелись. Могли остаться друзьями, но и это бывшему мужу было лень – он не стал поддерживать связь (хотя бы ради сына) и смиренно исчез. Даже звонить забыл.

На эту тему Мелани написала множество постов (статей) в своем блоге-дневнике. Почему мужчины такие слабовольные? Почему они ленивы – и физически, и душевно? Почему переложили всю ответственность за семью на плечи женщины?.. Вместе с виртуальными друзьями Мелани пыталась ответить на эти вопросы. Окончательного ответа женщина, конечно, не получила, но зато она чувствовала, как полезны эти дискуссии, и надеялась, что после подобных обсуждений в головах людей что-то меняется.

И мир становится лучше...

Итак, в это утро Мелани приготовила завтрак себе и сыну-студенту (очень хороший получился мальчик, добрый, сознательный!), потом отправилась в свою школу.

И все у нее в голове вертелась вчерашняя заметка из интернет-новостей, где рассказывалось о какой-то Марго и ее новой книге. Мелани никогда не писала комментарии в новостной строке, там обычно ошивались какие-то злобные маргиналы и чуть не матом ругались по любому поводу. Появляться там – все равно что ходить на вокзальные задворки – и обхамят, и наслушаешься всякой гадости. И еще ненароком вступишь куда не надо – не отмыться потом...

Но тут Мелани не выдержала, написала свое мнение. Душа не стерпела, что какую-то дешевую борзописку назвали писательницей.

...В школе часть уроков, что Мелани должна была посвятить лекциям о Пушкине, Гоголе и Достоевском, она отдала рассказу о современной литературе. О том, что священное творчество стало источником заработка...

Дети слушали, соглашались. Хотя, конечно, читали в свободное время всякую ерунду про вампиров, ведьм и зомби. Фэнтези еще это... ну ладно, может, с возрастом образумятся. Уж чего-чего, а оптимизма Марина-Мелани старалась никогда не терять.

Придя во второй половине дня домой, Мелани села за компьютер – написать очередной пост в свой блог, все о том же, наболевшем. О современных авторах, о том, что литература стала насквозь коммерческой... Но перед тем решила узнать подробнее о Марго (именно эту авторшу Мелани собиралась представить своим виртуальным друзьям в качестве «примера»). Набрала в поисковике запрос...

И что вы думаете? Мелани сразу же обнаружила блог Марго. Оказывается, и та имела виртуальный дневник! Хотя чего тут удивительного, сейчас все ведут блоги, даже дворники, наверное, тоже поселились в Сети.

К какому выводу пришла Мелани, полистав виртуальный журнал Марго?

У Марго был удивительно пустой, бессодержательный дневник. Поздравления с Новым годом и Рождеством, рассуждения о любви и дружбе. Фото котят и щеночков. Реклама собственных книг. Всякая ерунда на темы – как бороться с изменами, как общаться с начальством, как хорошо выглядеть... Это был, если можно так выразиться, дневник куклы. Дневник Барби, вот!

– Какая гадость... – с отвращением прошептала Мелани, уставившись в экран, где было фото Марго. Сама писательница, кстати, тоже выглядела на редкость искусственно и пошло – блондинистые кудри, голубые глазки, ротик-сердечко...

Мелани увеличила фото. Сразу стало ясно, что авторша криминальных мелодрам была уже не первой молодости. Глазки-ротик – да, остались, зато проявились носогубные складки, линия подбородка чуть припухла, смазана. Либо очень хорошо сохранившаяся мадам, либо изрядно потасканная молодушка. «Нет, ей лет сорок! – в конце концов пришла к выводу Мелани. – Она моя ровесница. Ей точно около сорока – или чуть больше, или чуть меньше. И такие, как она... должны нравиться мужчинам определенного сорта. Даже не мужчинам – мужикам... Некоторые мужики любят розовую помаду и пергидрольные кудри, а на остальное им наплевать!»

В Марго концентрировалось все то, что Мелани презирала в людях. В женщинах. Мелани понимала, что нельзя с одного взгляда ставить на человеке клеймо. Мало посмотреть на лицо, надо еще, наверное, почитать хоть страничку из опусов этой Марго... Хотя зачем? Эти кудри и сам жанр, в котором «творит» Марго (криминальная мелодрама), уже сами за себя говорят.

Все с ней ясно, с этой Марго. Да, и это имечко... Марго. Быть может, она воображает себя королевой Марго? Сколько снобизма! Одно имя. Ни имени, ни фамилии. Просто Марго. Это даже уже не литература, а шоу-бизнес какой-то. Наверное, ее назвали при рождении Маргаритой, и была она какой-нибудь Маргаритой Петровной Сидоровой, например. Но потом женщина решила, что это звучит слишком неинтересно. И стала Марго. Или вовсе она носила какое-то другое имя, даже не Маргарита, а что-то совсем такое, простецкое...

Есть ли у нее семья, у этой крученой-верченой Марго? Дети, например. Или муж. Вот какой у нее муж? (В профайле никаких личных сведений не указано.) Наверное, какой-нибудь мужик-грубиян. Бизнесмен! О, точно, бизнесмен. Ведь женщина с такой внешностью на простого человека не польстится. Хотя старовата она для бизнесмена. Первый муж-бизнесмен ее бросил, ушел к молоденькой фотомодели. Она сейчас одна, меняет любовников. Или нет! Воображение у Мелани разыгралось. Марго содержит альфонса, мальчишку-симпатягу, приезжего из Сызрани. Потом, она пьет наверняка. Вон какое у нее было лицо на вчерашних фотографиях...

Чем дальше, тем больше думала Мелани о Марго, все сильнее наполняясь неприязнью.

Потому что, как уже было сказано, эта Марго являлась воплощением всего того, с чем Мелани боролась. Воплощение безвкусицы и стяжательства, пошлости и вульгарности.

Не выдержав, Мелани написала в блог Марго, под одной из последних записей, язвительный, полный справедливого негодования комментарий.

* * *

Коридор без единого окна. В конце коридора – комната. Полутемная, с мрачно-зелеными стенами. Там – девочка, сидит на стуле, сложив на коленях руки. Лица не видно. Рядом силуэт взрослой женщины.

– Я не хочу.

– Почему не хочешь? Я же лучше знаю, что тебе надо.

– Я не хочу.

– А ты не спорь!

Игла. Молоток. В голову девочки вбивают молотком иглу – сверху, в то место, где когда-то находился младенческий «родничок».

– Вот видишь. Ты даже ничего не почувствовала. Так надо!

– Я не хочу.

– Прекрати спорить! – Суровый, раздраженный женский голос. И еще одну иглу вбивают девочке в голову. Это, правда, не больно, но как мучительно тяжело...

Марго застонала и открыла глаза. И сразу поняла, что это был сон. Только сон. А голова и в самом деле гудела от тяжести, словно ее набили металлом. Но это понятно – после вчерашнего-то...

– Костя, Костя!

Дверь скрипнула, и в комнату заглянул Костя.

– Будь другом, дай воды...

Костя исчез, появился через минуту со стаканом воды, сел на краешек кровати.

– Таблетку надо?

– Нет. Меня тогда точно стошнит. Господи, Костя, как мне плохо! – пожаловалась Марго, с трудом приподнявшись на локте. – Который час?

– Начало пятого.

– А почему так темно? – Она указала пальцем на окно.

– А потому что день уже прошел! – засмеялся Костик.

Костик выглядел превосходно, и это было так странно. Она разваливается на куски, а этот юноша цветет и пахнет. Хотя чего тут удивительного – Костик на вчерашней презентации не присутствовал. А даже если бы и присутствовал, то что с того – он ведь и не пьет совсем! – напомнила себе женщина. Она такая, нынешняя молодежь, – экологическая.

– Костя, я тебя ненавижу, – сварливым, скрипучим голосом произнесла Марго.

– Я знаю, – мягко произнес Костя и провел рукой по ее спутавшимся волосам. – Зато я тебя люблю.

– Ты врешь.

– Мне плохо.

– Тебе хорошо. Ты известный человек. Ты состоялась. А голова, она что... Она скоро пройдет.

– Я так и знала, что ты мне завидуешь!

Костик вздохнул и вышел, не затворив за собой дверь. Теперь Марго могла видеть, как тот сидит в соседней комнате за столом, у ноутбука.

– Костя, ты что делаешь?

– Пишу пост в твоём блоге.

– О чем?

– Как прекрасно прошла вчера презентация.

– Ты же там не был!

– А какая разница... – спокойно, даже равнодушно ответил молодой человек. – Вот тут в новостях все уже расписали в подробностях, как и чего. И фотографии есть. Мне лишь осталось написать о твоих чувствах.

– Да, о моих чувствах... – буркнула женщина.

Марго повернулась на один бок. Потом на другой. Но как бы она ни ложилась, не поворачивала голову – легче не становилось. «И зачем я вчера столько пила... Надо было после третьего, нет, после второго бокала остановиться! Дура какая. Ведь знала, знала, что мне плохо будет, а все равно...»

В минуты физического нездоровья почему-то вспоминается плохое. И думается, как назло, исключительно о вещах неприятных, мрачных. Словно болеет не только тело, но и душа. Или все связано? Болезнь тела вызывает болезнь души, и наоборот – захандришь, позволишь себе впасть в депрессию, и сразу тело отзывается какой-нибудь болячкой... Да, точно. Все связано, все едино!

Марго вздохнула, пытаясь отогнать от себя гадкие мысли, но они упрямо лезли в голову. Вот, например, такая проблема: почему не пишется?

Свой роман «Я и Ты» Марго закончила полгода назад. Поставила точку, отослала рукопись в родное издательство и стала ожидать рождения нового сюжета. Ведь раньше, по окончании одного романа, автоматически начинал придумываться новый. Получался своего рода писательский конвейер, не знающий перебоев.

Но, верно, что-то сбилось в отлаженной работе этого механизма, потому что за полгода ни одной мало-мальски достойной идеи. И это было ужасно. Неужели ее дар, ее способности пропали? И что теперь делать?

– Костик, я больше не смогу писать! – раздраженно пожаловалась Марго. Костик был в курсе всех ее проблем, но, кажется, не воспринимал их всерьез. Потому что ответил, даже не поворачиваясь от экрана ноутбука, спокойно и рассудительно:

– Это творческий кризис, Марго. Обычное дело. У всех авторов бывает.

– У меня его никогда не было! – запальчиво возразила она.

– Но это же не значит, что кризисов не бывает вообще. Вот он случился. Просто потерпи, пережди его. Ты очень нетерпеливая. Ты как большой ребенок, Марго.

– Ребенок... – с отвращением произнесла Марго. – Фу! Не надо об этом. Слушай, Костик! – подскочила она от внезапного озарения: – А вдруг это климакс?!

– При чем тут климакс?

– Как при чем?... У меня отключились мозги. Женщины же дуреют во время гормональной перестройки!

– Ну не настолько же, что не могут больше работать? – с сомнением произнес Костик.

– Обычные женщины, наверное, хоть и с трудом, но могут. Сидят себе в офисе, бумажки перекладывают. Бухгалтера, учителя, продавцы... Они ведь делают одно и то же, из года в год, по одной схеме. Да, иногда что-то в их привычном рабочем распорядке меняется, им приходится что-то придумывать, но в принципе они делают один и тот же труд, они стремятся к одному и тому же результату...

– Марго, любая деятельность невозможна без креатива. Я недавно зашел в турфирму и наблюдал, как менеджер продавала путевку супружеской паре. Это было настоящее искусство! – засмеялся Костик. – Нет, ты только послушай...

– Это креатив в мелочах! – перебила Марго. – В мелочах, а не в главном. А цель всегда одна – надо втюхать клиенту продукт, в данном случае – путевку. И все. Креатив лишь в том, что к разным людям требуется разный подход. А я, я... Я придумываю нечто новое, то, чего раньше никогда не было. Я каждый раз придумываю новый мир! Вот она, *моя* цель. Я – как Бог, ты понимаешь?

– Марго, не кощунствуй.

– Я погибла... – всхлипнула Марго. – Я больше не могу ничего придумать. Это климакс, точно.

– Не рано ли? Тебе только сорок один, – устало возразил Костик. – По-моему, это случается с женщинами ближе к пятидесяти.

– У всех по-разному! А вдруг?! Уж климакс близится, а Германа все нет... – нервно пропела Марго. – Я знаю нескольких писательниц, которые были талантливы, а климакс их подкосил. Вот одна после пятидесяти такую лабуду стала писать, что аж тошно... Читатели в шоке. Что было и что стало. Покупают ее романы по привычке еще, по старой памяти, но уже не то. Тиражи падают...

– Не у всех так. Вспомни Агату Кристи. Свои лучшие вещи она создала в преклонном возрасте.

– Это исключение! А исключение только подтверждает правило! – с яростью закричала Марго. – О, моя голова...

Женщина натянула на себя одеяло, застонала. Повертелась еще с боку на бок, потом снова вылезла наружу.

– Костик, Костик! – беспокойно позвала она. – Что там в новостях? Почитай. Может быть, меня что-нибудь зацепит.

– Сейчас. – Марго увидела, как перед Костиком на экране монитора сменилось окно. – Слушай: «На европейскую часть России надвигаются невероятные холода. Директор Росгидрометецентра...»

– Это не то!

– Да, прости. «Звезда популярного телесериала разделась для мужского журнала...» А, провалилась она, эта звезда, тоже не то! «Британские ученые доказали...» Нет, к черту этих британских ученых! Вот интересное: «Смытая цунами девочка возвратилась в родительскую семью спустя много лет...»

– Не то!

– Минутку. Слушай. Вот это точно тебе будет интересно: «Видногорский Джек-Потрошитель. В маленьком городке, недалеко от Подмосковья, появился маньяк, истребляющий женщин легкого поведения...»

– Где появился? – Марго нетерпеливо отбрыкнулась от одеяла, села. – В Видногорске? Ничего себе.

– Марго, это знак. Отчего тебе не написать роман о маньяке? Маньяк в маленьком городке. Там же проживает и она – прелестная девушка, страдающая без любви. И тут... – Костик задумался. – Тут можно придумать два варианта – что у нее роман с маньяком, такой, знаешь, на грани любви и смерти роман, либо героиня находит мужчину своей мечты, и они оба безумно счастливы, но этот тупой маньяк уже нацелился кокнуть героиню, и читатель весь в напряжении – убьет он ее или не убьет. И чтобы весь текст был пропитан некоей тягуче-чувственной, немного нездоровой, декадентской атмосферой...

– Чего это ты за меня сюжет придумываешь? – с неприязнью возразила Марго. – И вообще, это бред. Бред и пошлость.

– Чем же это пошлость? – не сразу, напряженным голосом отозвался Костик. Ага, обиделся, значит.

– Потому что это последнее дело – про маньяков писать. Они всем надоели хуже горькой редьки. И вообще, это неинтересно – про психов.

– Ты же сама говорила, что главное – не тема, а то, как ее преподнести!

– Отстань, – сказала Марго. Встала с трудом, закуталась в покрывало и шаркающей походкой, морщась, побрела к монитору. – Пусти меня... Хочу почитать про твоего маньяка.

– Ага, заинтересовалась... – усмехнулся Костик и уступил кресло Марго.

– Кофе сварил, пожалуйста.

– Уже бегу. Только... Марго, Марго!.. – Он потянул за край покрывала, но Марго зашипела, точно кошка, и замахала руками, выставив вперед пальцы с французским маникюром на ногтях.

– Злюка! – с холодной яростью отшатнулся Костя и вышел вон.

Марго провела ладонями по лицу. «Как он мне надоел... Как я сама себе надоела!» Она поморгала (в глаза словно песку насыпали) и уставилась на экран.

Новостная строка в Интернете.

Видногорский Джек-Потрошитель.

В маленьком городке, недалеко от Подмосковья, появился маньяк, истребляющий женщин легкого поведения. Видногорск в панике: неужели история загадочного Джека-Потрошителя повторяется?

Это уже третье убийство женщины легкого поведения. Рассказ Анны Герасимовой (имя изменено): «Мы с девчонками всегда собирались на вокзальной площади. Это наша «точка», вот как это место мы называем. А что? Мы тоже люди, мы тоже хотим как-то заработать. Сначала, когда зарезали Люську, мы не думали, что это орудует маньяк. Потом была Санька. Ее тоже зарезали. Тут мы задумались. Но когда Ангела погибла, уже стало ясно, что это дело рук одного человека».

Начальник Видногорского отдела полиции: «Все силы правоохранительных органов брошены на поимку преступника. Мы не одобряем поведение женщин, подобным образом зарабатывающих себе на жизнь, но что делать! Ведем с ними разъяснительную работу, пытаемся помочь снова влиться в общество...»

Далее шло авторитетное мнение известного психотерапевта – долгое рассуждение на тему, отчего женщины становятся проститутками и причины, по которым мужчина превращается в маньяка.

Комментарии под статьей:

Пал Палыч: «Спасибо ему, этому Джеку-Потрошителю! Освобождает Видногорск от всякой дряни! Санитар леса он... В Москве таких маньяков надо на каждую улицу поселить...»

Глициния: «Ужасно! От этой полиции никакого толку. Вот недавно со мной произошел случай. Я пошла сдавать вещи в химчистку...» (Читать далее.)

Краковяк: «Во всем виновата политика государства. Если бы людям платили нормальные деньги, они бы не ходили на вокзальную площадь торговать своими телами!»

Еще 215 комментариев. (Читать все.)

«Так я и знала, что от этой статьи никакого толку! – подумала Марго. – Нет, эта история не годится. Слишком грязно, слишком мрачно».

Она закрыла глаза, съежившись.

...Маленький, тихий городишко – с белокаменным кремлем, пятиэтажками, старым парком и большой площадью перед вокзалом. Там, на площади, теснились палатки со всякой всячиной, торговали пирожками и мороженым, там дежурили с утра до вечера таксисты, поджидая приезжих у электричек. Женщин легкого поведения Марго на площади ни разу не видела. Или просто не замечала? Да, наверное. Она тогда, в те годы, только одного человека видела. Одного Его. Кстати, мать в один из своих последних приездов сообщила, что Его младший брат работает таксистом в Видногорске. Значит, брат тоже толчется на той площади, около

вокзала. Как звали Его младшего брата? А, Ваня. Да, точно, Ваня. Милый и добрый парнишка, но слабоумный, кажется. Ваня остался в городе, таксистом, а Он уехал из Видногорска, как и уехала она, Марго. Но – не с Ним. Господи, сколько лет назад все это было...

– Почти двадцать лет назад, – пробормотала Марго.

– Вот кофе. О чем ты говоришь? – Костик поставил чашку на стол. – Только на клавиатуру не пролей.

– Ни о чем.

– Марго, раз ты не в настроении, никого видеть не хочешь... Я уйду ненадолго?

– Да, конечно.

– Ты в Интернете собираешься сидеть? Только, умоляю, не пиши ничего в блог! Я уже там свой стиль и язык выработал... Читательницы же не знают, что блог ведешь не ты!

– Не буду, не буду...

Через десять минут Костик ушел. Куда он отправился, к кому, зачем, Марго совершенно не интересовало. Раньше она начала бы беситься, ревновать, а теперь – все равно.

Они были слишком разные с Костилом. Тот, несмотря на возраст, относился к Марго свысока – ну как же, он мужчина, пусть и моложе... А Марго всегда норовила щелкнуть его по носу, поставить на место – ты не мужчина, ты альфонс! И чем дальше, тем натянутее становились их отношения.

Костику некуда было идти (приезжий, своей квартиры в Москве нет, снимать дорого, да и на что?). А Марго уже привыкла к молодому человеку, и без него была – как без рук. Костик хорошо варил кофе, мог принести стакан воды – вот как сейчас, вел блог в Интернете под именем Марго и очень хорошо развлекал читательниц-почитательниц, думающих, что они беседуют с популярной писательницей... Потому что у самой Марго не было никакого желания тратить время на виртуальную болтовню.

А подобный блог был нужен – ведь интерес поклонниц должен всегда подогреваться. Это реклама, а как без нее?... Вот и получилось, что без Костика Марго теперь – как без рук.

«Ну-ка, что он там понаписал от моего имени?» Марго открыла «свой» журнал.

Одна из недавних записей – поздравление с китайским Новым годом, случившимся как раз пару дней назад, много позже обычного новогоднего праздника: «Дорогие друзья, пусть этот милый и пушистый зверек принесет вам счастье и успех...» Бла-бла-бла. Картинка с изображением милого пушистого зверька – символа нового года. Уси-пуси, какая прелесть... Но поклонницы в долгу тоже не остались – они в ответ завалили Костику умильными картинками с котятами, зайчиками и цветочками и пыльными поздравлениями. Двести с лишним комментариев, целых три страницы подобной фигни! «И охота теткам время на пустую болтовню тратить... Им что, больше заняться нечем? Такое впечатление, что у них ни семьи, ни работы, ничего... Сутками в Интернете сидят. Или я чего-то не понимаю? Но как Костик их тонко чувствует! И ведь ему самому нравится все это писать, отвечать на комментарии, тратить кучу времени на подобные вещи... Наверное, дело во мне. Я чего-то не понимаю в этой жизни. Я слишком злая, слишком циничная, чтобы вот так спокойно и дружелюбно, как Костик, беседовать со всеми подряд...»

Марго открыла предпоследний пост. Это классика! «Как избавиться от последствий передания. Друзья, не секрет, что в праздники мы позволяем себе расслабиться, и проводим слишком много времени за столом. Кусочек торта, пирожные, копчености – и вот уже наша талия больше на несколько предательских сантиметров...»

– Хех, наша талия... – поперхнулась смехом Марго.

Далее Костик предлагал способы похудеть и спрашивал, какими диетами пользуются читательницы его блога. Читательницы, видимо, страшно возбудились от этой темы – десять страниц, шестьсот комментариев! Не слабо.

Марго подобралась к последнему посту, который еще не читала. Пафосный репортаж о презентации, на которой Костик не был. Поздравления от читательниц, опять картинки с цветочками и милыми пушистиком. . . Так, а это что? Один из последних комментариев:

Мелани: «Марго, неужели Вам не стыдно? Я ужасаюсь тому, что сейчас происходит с русской литературой. Во что ее превратили? Если бы Толстой и Достоевский знали, что через сто лет современные авторы будут ваять криминальные мелодрамы, то. . .»

Марго не стала дочитывать, она принялась энергично барабанить по клавиатуре – писала ответ. Хоть Костя и просил ее воздержаться от комментариев, но как смолчать?! Это же ее блог, ее. . .

Марго: «Дорогая Мелани, Вы, верно, не в курсе, но я не пишу криминальных мелодрам. Я пишу детективы с элементами мелодрамы, а это совершенно разные вещи! Кстати, «Преступление и наказание» – это разве не криминальная мелодрама?»

Через минуту пришел ответ:

Мелани: «Толстой и Достоевский писали просто хорошие книги! Вне каких-либо жанров. Они служили искусству, в то время как современные авторы служат Мамоне – денежному мешку!»

Марго: «Уважаемая Мелани, если Вы думаете, что Толстой и Достоевский работали бесплатно, то Вы глубоко ошибаетесь. . .»

Мелани: «Да, они получали за свой труд гонорары, но то были заслуженные деньги. Нынешним же авторам надо специально доплачивать, чтобы они перестали наводнять мир своей макулатурой!»

* * *

Засунув руки в карманы, Костик Чуркин брел по вечерней Москве.

Когда-то, лет десять назад, он мечтал об этом. О том, что настанет день, и он, засунув руки в карманы стильного, немного брутального черного бушлата, с непокрытой, высоко поднятой головой, полной мыслей, планов, идей, будет идти по Бульварному кольцу. Или какой-нибудь Остоженке. . . Словом, по старинной московской улочке. Например, дело будет происходить зимой. Да, снежной зимой! Вот он, Костик, шагает по бульвару, а на его черные волосы мягко ложатся снежинки. А мимо мчатся сплошным потоком машины. Сияют огнями витрины магазинов. И еще вокруг – дома, дома, дома, из мрамора и стекла – чудесные особняки, ничуть не напоминающие серые, закопченные пятиэтажки пригорода в Челябинске, где молодой человек провел всю свою жизнь.

Что по фактам.

Он, Костик, в Москве. В черном стильном бушлате. Идет, засунув руки в карманы, по грязному Чистопрудному бульвару. Падает снег, тут же превращаясь в жидкую кашу под ногами. Голове холодно, она опущена, потому что мокрый снег так и норовит залепить глаза. Кругом машины, стоят в вечерней пробке – от выхлопных газов не продохнуть. Дома красивые по обеим сторонам бульвара, но что толку на них смотреть – сразу рождаются мысли о том, сколько могут стоить квартиры в этих особнячках. Да еще в центре-то города. Сияют огнями витрины магазинов, но цены там. . .

Бойся своих желаний – они могут сбыться.

Только сейчас Костик понял, что глупо было мечтать о Москве вот так, как о красивой картинке. Его мечта сбылась, и он получил ее, эту красивую картинку. Вплоть до бушлата и падающего на волосы снега. Все сбылось! Но разве молодой человек хотел именно этого, к этому стремился? Да, он здесь, но он ничем не владеет, от него ничего не зависит, он никому в Москве не нужен – кроме злюки Марго. Он – чужой в городе своей мечты.

Только сейчас Костик понял, что огромный мегаполис – это не обязательно огромные возможности. Да, тут не умрешь с голоду, тут всегда можно найти работу... Но какую работу? На стройке, официантом в кафе, мелким клерком в офисе, менеджером в магазине... Все те чудесные истории, когда приезжий оказывался в столице с рублем в кармане, а потом, в мгновение ока, вдруг становился миллионером – всего лишь сказка.

Да и не хотел Костик этих самых миллионов. Вернее, хотел, но так, без фанатизма. Ведь это только нищие мечтают о деньгах. Только голодные грезят о роскошных ресторациях и стильных бутиках. Только убогие желают иметь слуг. Только дикари млеют от больших городов.

Настоящий же человек всегда стремится к большему. Быть Личностью. Известной Личностью. А не бедным или богатым быдлом...

А Костик с детства рос особенным. Начитанный мальчик, потом – тонко чувствующий юноша... К несчастью, родители его были бедны и не могли помочь сыну поступить в хороший вуз. Ситуация же в стране такова, что бесплатное высшее образование стало почти недоступным. Работать и учиться? Но тонко чувствующему, отнюдь не двужильному юноше совместить работу и учебу просто невозможно... Да, хватистому пробивному провинциалу утром сидеть на лекциях, а вечером таскать подносы в кафе – запросто, но... не Костику.

Так и остался он без образования, с одним только достоинством – врожденной грамотностью.

Все же рискнул, рванул в Москву. Подрабатывал официантом в кафе, жил в жуткой общаге, под одной крышей с приезжими из ближнего зарубежья. Но потом встретил Марго, и вроде все устроилось. Крыша над головой, красивая умная женщина рядом... И плевать, что она старше. Он даже любил ее, эту Марго. Работал у нее секретарем, вел от ее имени блог в Сети (вот они, врожденная грамотность и начитанность, где пригодились!..)

Но Марго была не женщиной, а демоном. Злая, насмешливая, безжалостная на язычок. И абсолютно, совершенно не романтичная. А еще эта дрянная привычка говорить в глаза своему собеседнику все то, что она о нем думает!

Марго называла Костика Растиньяком. И смеялась над ним. Она, кажется, ни на секунду не забывала, что молодой человек находится на ее содержании. А еще она в глаза дразнила его «альфонсом».

Она вообще любила смеяться над людьми. Она смеялась надо всем. Ничего святого!

Родню свою она ненавидела. У Марго в Видногорске жили мать, бабушка и прабабка. (Кстати, она, Марго, – тоже из тех, кто «понаехали тут».) Они общались иногда, Марго и ее родственники, перезванивались, но, боже мой, сколько колкостей и гадких слов слышал потом Костик от Марго в адрес ее близких!

Марго терпеть не могла детей. Она сознательно отказалась от них. Да, Марго – так называемая «чайлдфри». Костик тоже к детям особо не стремился, но он же мужчина, ему позволительно. А она, какая же она после этого женщина?..

Марго писала романы, в которых детективная линия перемешивалась с мелодрамой. Детективы-то ладно, но как она могла придумывать романтические истории, будучи в душе человеком столь черствым и циничным?! Загадка.

Кажется, она никого и никогда не любила. У нее были любовники до Костика и, возможно, во время их сожительства, но вот любви, судя по всему, романистка ни к кому не испытывала. И ничуть в ней не нуждалась.

Иногда, ненадолго, казалось, что в Марго все еще сохранилась женщина. Бывало, она вдруг начинала хандрить, жаловалась, и казалась слабой и милой... В такие моменты она могла растопить любое сердце, и Костиково в том числе. Ведь внешне Марго выглядела сущим ангелом – тоненькая, невысокая, белокурая, с очаровательно вздернутым носиком, огромными голубыми глазами... Фарфоровая статуэтка, да и только. Кожа эта гладкая... Когда они

познакомились, Костик все никак не мог поверить, что она на столько лет его старше, – до тех пор, пока собственными глазами не заглянул к ней в паспорт. Видно, маленькая собачка – до старости щенок.

Но потом, стоило лишь Костику расслабиться, и Марго вонзала в него свои когти – в прямом и переносном смысле. А с ее розовых уст опять слетала какая-нибудь очередная язвительная гадость.

Эту женщину нельзя любить. Ее нельзя жалеть. Белокурая бестия!

Надо срочно бежать от нее. Но куда? И как жить дальше, что делать?

...Он вернулся домой в одиннадцатом часу. Марго опять спала. Свет в кабинете горел. Костик привычно сел за компьютер, потеревил «мышку». Экран тут же зажегся – эта страница с последним постом, о презентации. Так, а это что?!

Костик пробежал глазами последние сообщения. Судя по всему, его покровительница вступила в блоге с кем-то в перепалку. Тролль? Да вроде нет, просто какая-то вредная тетка, под ником Мелани. Господи, Марго с ума сошла, что она тут понаписала, ругаясь с этой Мелани... В один момент писательница разрушила ту милую, душевную атмосферу, которую Костик трепетно создавал в блоге в течение долгого времени!

Он быстро стер все «лишние» комментарии.

Костик относился к этому блогу как к своему собственному. Он изливал собственную душу, не боясь, что в нее кто-то может плюнуть. И женщины-читательницы отвечали ему нежной любовью. Столько добрых слов он от них слышал...

На самом деле они восхищались не Марго, а им самим.

Словно это он, именно он, Костик, был властителем дум. Кумиром. Избранным...

Почему слава достается холодной и злой Марго, а не ему, человеку с живым и трепетным сердцем? Гм, несправедливо.

Тем не менее, вычистив блог от «мусора», Костик принялся прилежно отвечать на комментарии постоянных читательниц. Больше всего молодому человеку нравилось беседовать с френдессой, появляющейся в журнале под ником Утренняя Роса.

Утренняя Роса, судя по всему, прочитала все романы Марго. И столь мило, столь деликатно восхищалась писательницей, столь уважительно беседовала, что не выделить особо именно эту почитательницу Костик не мог.

Утренняя Роса: «Дорогая Марго, я поздравляю Вас от всей души с выходом новой книги! Но это радость не только для Вас, но и для меня, Вашей поклонницы. Завтра я пойду в книжный магазин. Очень надеюсь, что Вашу новую книгу уже туда завезли. А если нет, я буду ждать. Буду каждый день заходить в книжный...»

Марго: «Дорогая Утренняя Роса, спасибо Вам за добрые слова! Я живу в суе большого города, где все помешаны на деньгах, на престиже, на внешнем великолепии. Но люди, к сожалению, уже забыли о том, что существует такая важная вещь, как Душа. И только Ваши письма напоминают мне о том, что есть на свете замечательные люди, которые...»

– Костик! Ты так громко стучишь по клавиатуре... – сонным голосом недовольно закричала из соседней комнаты Марго. – Закрой дверь. О чем там можно столько писать? Читала я этот твой журнал. Бла-бла-бла, бла-бла-бла... – передразнила она.

* * *

Марго. Черновик романа «Я и Ты».

«...Когда я впервые обратила на Тебя внимание? Я хорошо помню тот момент.

Хотя я так привыкла к тому, что вижу Тебя каждый день – в основном на школьной перемене, то Твое существование на белом свете вряд ли могло меня удивить. Да, есть Ты, и есть много других людей. Много других ребят вокруг...

Но когда Ты, именно Ты, вдруг стал для меня главным, особенным? Почему, отчего я внезапно стала выделять из толпы Тебя, думать лишь о Тебе?..

С чего все началось?

Мы играли на школьном дворе в волейбол, два параллельных класса – Твой и мой. Стояла весна, конец мая. Последняя четверть девятого класса – предпоследнего в нашей жизни (в те времена учились десять классов).

Учитель физкультуры куда-то ушел – его срочно вызвали, что ли. Часть учеников продолжала играть, другая часть разбрелась по всей школьной площадке. Я сидела на трибунах, на одной из трех широких деревянных скамеек, ступенями врытых в земляной склон. Сидела одна, с правого краю, на средней скамье.

Я все это очень подробно помню – где, кто, как... Я помню, как солнце мягко грело мой затылок, спину. Я помню, что на мне было надето – черные спортивные брюки, белая футболка. Кеды.

Я помню, как повернула голову, посмотрела на тополь, тянувшийся ко мне ветвями сбоку, и заметила эти красные, махровые «сережки». В носу у меня защеботало, и я чихнула. Да, я чихнула, закрыв глаза. А когда открыла, мир был уже другим. Я стала другой.

Я опять изменилась. Первое превращение произошло в детстве, года в три-четыре, когда я неожиданно стала осознавать себя как отдельную человеческую сущность. Личинка превратилась в кокон, отгородилась от окружающего плотной оболочкой, очертив пространство вокруг себя. Вот – я, а вот он – окружающий мир. Здесь я, а там другие.

А в этот знаменательный день случилось второе мое перерождение. Сидя на трибунах в школьном дворе, я внезапно ощутила свою женскую сущность. Я – девушка. Я – женщина. Я – это Она.

Наверное, это происходит со всеми людьми. У кого-то такой момент случается раньше, у кого-то позже, и не всегда это бывает связано с физиологией, и не всегда зависит от общения с противоположным полом. Но вдруг ощущаешь свою сущность (женскую или мужскую) как судьбу.

Нагретый весенним теплом, кокон треснул, и другое, новое создание начало потихоньку выбираться из него на свет божий.

...Солнце, тополиные «сережки», голоса вокруг. Я – это Она. Я женщина, я девушка. Я прекрасна.

Знаешь, я никогда не была гадким утенком, и никто не называл меня некрасивой. Меня просто не замечали. Потому что я была *слишком* ребенком. Позднее развитие, возможно. Маленькая, тощая, белобрысая тихоня. А теперь вдруг раз – и наружу из кокона выбралась красивая бабочка. Я – это Она.

Я – для любви. Для счастья. И весь мир только для меня, потому что я женщина и девушка и априори прекрасна. Мои шестнадцать лет вчера и мои шестнадцать сегодня разделяет пропасть.

– Ритка, будь здорова! – крикнул мне Хитяев, пробежавший мимо – за мячом. Хитяев, добродушный увалень. Я не ответила, только улыбнулась, но так, чтобы он заметил. Чтобы он... я тогда даже не знала, что именно он должен был сделать. Наверное, запомнить меня. Запомнить навсегда.

Я не знаю, как у меня это получилось, но Хитяев споткнулся, чуть не упал. Убежал, вернулся с мячом. Потом издали я часто ловила его взгляд – до конца десятого класса. Потом его забрали в армию, а когда он вернулся, и я уже уехала. Потом он женился... Лет пять назад мать, приехав, рассказывала о нем – заходил, толстый, все тот же добродушный увалень. Жена, двое детей – учатся в той же школе... Зачем? Зачем он искал меня? Зачем помнит обо мне? Затем, что я не рассчитала свою силу тогда, впервые воспользовавшись ею.

Потом-то я уже научилась сдерживаться, научилась держать свои женские чары под контролем и уже не улыбалась кому попало.

...Так вот, новая я сидела на трибунах и дивилась своему превращению. Привыкала к тому, что я отныне больше не ребенок, а девушка.

Раньше, например, я никогда не обращала внимание на себя, на свое тело, не замечала, как двигаются мои руки и ноги, поворачивается голова. Я не отдавала себе отчета, что я, например, улыбаюсь или хмурюсь. А сейчас я все это ощутила, словно в мою кровь впрыснули какое-то лекарство. Вот оно потекло по артериям, по венам, капиллярам и заставило меня чувствовать каждое сокращение моих мышц.

Солнце. Наверное, это солнце было виновато – оно светило с такой интенсивностью в тот момент, что во мне произошел этот биохимический переворот. Гормоны впервые заиграли? Да-да. И я поняла, что у меня есть глаза и губы, я стиснула руки, я скрестила ноги, и я вздохнула.

Но, едва я перестала быть ребенком, я сразу почувствовала тоску и раздражение, словно мне не хватало чего-то. Без чего нельзя жить.

Без любви. Потому что, пока я женщина, пока во мне играют эти гормоны, пока я чувствую тепло солнца, я – люблю. Потом, наверное, через много-много лет, когда наступит старость и я вновь превращусь в существо среднего рода (недаром же слово «дети» – тоже определенного рода не имеет), и кровь моя станет жидкой, холодной, – вот только тогда я смогу освободиться от бремени своего пола. Сбросив яркие крылья, я смогу наконец освободиться и от любви. Это будет третье мое перерождение. Надеюсь, оно произойдет еще не скоро.

Но до тех пор я – это Она.

И кого мне любить?

– Макс, Макс, подойди ко мне!

Я повернула голову на голос, почувствовав при этом, как взметнулись мои волосы на весеннем ветру.

Во двор вышла директриса, Юлия Аркадьевна, дама почтенная, добродушная и в меру строгая. Это она позвала мальчика из параллельного класса, активиста и отличника – Максима Столярова. Макс (как его все называли) являлся, что называется, мальчиком «нарасхват», нужный и учителям, и одноклассникам, и всем. Бывают вот такие личности, находящиеся в самом центре жизни.

Макс подошел к директрисе, они о чем-то оживленно заговорили. О каких-то школьных делах, наверное, которые опять без участия активиста Макса не могли обойтись.

Юлия Аркадьевна стояла ко мне спиной, а Макс – лицом. Голосов их я не слышала, но хорошо видела, как он внимательно и весело смотрит на директрису, слушает ее, кивает и отвечает что-то, чуть улыбаясь.

Господи, но почему я назвала его мальчиком? Он мальчиком не выглядел совсем и юношей – тоже нет. Он говорил и выглядел уже как молодой мужчина. Умный и красивый молодой мужчина.

Это меня так поразило, что я принялась замороженно рассматривать Макса, хотя знала его словно тысячу лет, и он мне даже не особо нравился, потому что слишком уж активистом был, слишком выпендривался, как мне, тихоне-индивидуалистке, тогда казалось.

Когда это он стал таким взрослым? Почему я не замечала его раньше? Почему не видела, что он такой красивый и интересный? Вот это да...

Вспоминая те дни, делаю вывод – едва я только почувствовала в себе женскую сущность, едва я поняла, что я – это Она, я тут же нашла и Его. Исчез Максим Столяров, и появился – Ты.

...Итак, я нашла Тебя сразу, я полюбила Тебя мгновенно и легко. Да, кстати, у меня, как у женщины, оказался безупречный вкус. Все остальные ребята выглядели не столь совершенно. Юные дурачки. Милые и смешные, конечно... Но не идущие ни в какое сравнение с Тобой.

И другие мужчины вокруг меня, уже взрослые – соседи, например, как дядя Толя, или знакомые моей семьи – они тоже были неидеальны.

Твоя красота не казалась смазливой и пошлой, яркой и броской. (Ненавижу красавчиков, чья внешность, словно липучка для мух, приманивает к себе девиц!) Ты выглядел словно юный лорд – благородно и просто. Или как киноактер из старого советского фильма... Словом, в Тебе было что-то такое, что сразу узнавалось. И мне стало понятно, почему окружающие смотрели на Тебя с улыбкой, почему все Тебя любили и уважали, не могли без Тебя...

Нет-нет, не то сказала... Не юный лорд и не киноактер. Ты, скорее, выглядел юным принцем. Тем, на кого мужчины и женщины, взрослые и дети возлагают большие надежды и думают: «О, скорее бы этот юноша стал нашим королем! Ведь когда он взойдет на престол, наша жизнь изменится и станет в тысячу раз лучше!»

...Ты продолжал говорить с директрисой, но вдруг, вероятно, почувствовав что-то, повернул голову и поймал мой взгляд.

У меня мурашки по спине побежали. Попалась! Надо было срочно опустить глаза, отвести их в сторону, но я не могла. Я смотрела на Тебя как кролик на удава и точно знала, что я теперь в Твоей власти. Страх и восторг...

Я влюбилась. Конечно, не сразу это поняла, сначала только удивлялась тому, что хочу постоянно смотреть на Тебя, и все мысли в моей голове – лишь о Тебе.

Но рассказать об этом было некому. Подруге своей, Нине, я не то что не доверяла... Но точно знала, что она может разболтать мою тайну – не по злобе, случайно. Я уже тогда понимала, что все тайное рано или поздно становится явным, а мне совсем не хотелось, чтобы кто-то узнал о том, что я влюбилась в Тебя. И вообще, это так банально и предсказуемо – «влюбиться в Макса»! Когда в Тебя, наверное, все девчонки из моего и параллельного класса влюблены!

Родным своим я тоже не могла рассказать о Тебе. Маме, например. Маме я никогда ничего не рассказывала. Потому что знала, как она отреагирует. В данном случае она бы вздохнула тяжело, и между ее бровями пролегла бы страдальческая морщинка... «Ой, Ритка, придумала тоже! Влюбилась она... И чего хорошего? Теперь ты наломаешь дров, я же знаю, какие девчонки в этом возрасте дуры, – сказала бы она. – Ты хоть в курсе, что от любви бывают дети? Я с тобой на эту тему еще не говорила, но придется. Сейчас же садись и слушай, пока не натворила глупостей».

Мама заставит меня слушать себя. Подробно, все с тем же страдальчески-раздраженным видом, чеканя слова (вероятно, думая, что так они лучше дойдут до моего сознания), поведает, что такое овуляция и эякуляция. Про презервативы и вред первого аборта. И все такое прочее... Хотя нам в школе давали брошюрку, где про все это рассказано. Но мама не очень доверяет школьному образованию, она считает, что школа преподносит все знания в сглаженном и смягченном виде, что, по сути, является лукавством.

А с детьми и подростками надо говорить серьезно, чтобы они не натворили бед.

Мама будет совершенно права – именно об опасностях половой жизни надо предупредить девчонок моего возраста, но я-то с ней не о том хотела поговорить! Я ей хотела рассказать о солнце, о тополиных «сережках», о том, что мой избранник похож на принца и что вряд ли он когда-то обратит на меня внимание, потому что он номер один в школе, а я номер... даже не знаю, какой у меня номер в негласном списке популярности, наверное, предпоследний. А на последнем будет Хитяев.

Словом, я ей про «бабочек в животе», а она мне – про особенности женского цикла.

Она так всегда говорит со мной – упреждающе. Чтобы я не наломала дров, была разумной девочкой. Наверное, она меня ненавидит. Все вокруг говорят, что она меня любит, что она необыкновенная мать, но я-то знаю правду...

А еще я терпеть не могу, когда она при мне начинает разговаривать со своими подругами и обсуждает меня и советуется. Я тут, в соседней комнате, все слышу, а она своим чеканным голосом сообщает по телефону какой-нибудь Ларисе Юрьевне или Полине Петровне, что у меня пошли прыщи по спине. И спрашивает, чем это лечить. Или что я вчера ночью разговаривала во сне, и опять советуется с Ларисой Юрьевной (она завотделением в Первой больнице, самой лучшей в нашем маленьком городке): не надо ли показать меня психиатру?..

С бабушкой поговорить тоже невозможно. Бабушка все время читает и ходит на вечера в библиотеку. Я думаю, бабушка мозги себе свихнула чтением. Она делает вид, что живет – говорит, ходит, готовит обеды, иногда проверяет у меня уроки, с мамой выбивает ковры зимой, на снегу, а на самом деле она только о том и думает, как бы побыстрее все закончить и вновь усесться под абажуром, с книгой в руках. И чтобы больше ее никто не дергал.

Когда бабушка читает, у нее такое удивительно умиротворенное, ласковое лицо! Брови чуть приподняты, улыбка витает на губах... Вот она пугается, беззвучно ахает – это значит, что читает сейчас про какие-то драматические события. Потом опять расслабляется... А когда я зову бабушку в такие моменты, она поднимает голову и озабоченно, чуть испуганно на меня смотрит.

Я не хочу, чтобы она на меня так смотрела. Я хочу, чтобы у нее при взгляде на меня было то же умиротворенно-ласковое лицо и улыбка витала на губах, как и при чтении книг. Почему она любит книги, а не меня? Почему ей легко и приятно читать их, а возиться со мной вроде обязательки, что ли?..

С прабабушкой – бабушкиной мамой – тоже особо не поговоришь. Она вообще необщительная. И еще она очень старая. Она сидит у себя в комнате и смотрит телевизор с утра до вечера. Она откровенно не хочет ни с кем общаться, и это, кстати, вызывает мое уважение: прабабушка – искренняя.

Но у нашей семьи есть одна тайна, и она связана именно с прабабушкой и ее дочерью, моей бабушкой. Довольно жуткая тайна, о которой, кстати, только мамина подруга Лариса Юрьевна знает, которая завотделением в больнице.

Я тоже не имею права никому рассказывать об этой тайне, и даже дома, в семье, обсуждать ее нельзя – мне сразу заткнут рот.

Но я все время об этом думаю, и, когда болею, мне снятся кошмары на эту тему... Очень неприятные и жуткие.

Короче, я ни с кем не могу поговорить о своей первой любви.

...Все последние дни мая мы пишем в классе контрольные. С одной стороны, ужасно серьезные, с другой – на всех неумолимо накатывает расслабленное состояние в преддверии летних каникул. И сами учителя смягчились, подобрели в предчувствии лета.

Да, это солнце виновато. Это солнце действует так на всех. Именно в эти дни я окончательно понимаю, что влюбилась в Тебя. И предпринимаю некоторые действия. Во-первых, сознательно пачкаю свою скучную школьную форму в липовых почках. Они не отстирываются, я в курсе.

Мама читает мне очередную лекцию об аккуратности, но зато у меня теперь есть возможность носить обычную одежду. Я – в клетчатой юбке чуть выше колен и голубой блузке. Голубой – в тон глазам. Волосы я раньше убирала в «хвост», но теперь, когда мама не видит, хожу с распущенными волосами.

Но только не дома! Потому что, если мама догадается, что со мной произошли столь резкие перемены, она точно пригвоздит меня очередной лекцией – о ранней беременности! Я ее как-то, давно, спросила о том, как рождаются дети. Она мне рассказала обо всем в подробностях. Ох, теперь я знаю, беременность – это отвратительно и мерзко. Хуже этого ничего нет в жизни женщины, как я поняла. Это когда ребенок, словно червь-паразит, прорастает в твоих внутренностях, а потом начинает рваться наружу вместе с кровью и мясом... А потом в теле

женщины остается огромная кровоточащая рана, которая заживает месяца два, не меньше. Ребенок же, словно гигантская пиявка, сосет из женщины молоко. Грудь у женщины разбухает, соски превращаются в тряпку, перетертые деснами младенца, иногда случается неприятная болезнь под названием мастит, а потом, как кормление будет завершено, грудь становится похожей на сдувшийся мешок. Брр!

Хотя мне теперь понятно, почему моя мать ненавидит меня. Ведь из-за меня она терпела все эти отвратительные муки. И бабушка моя мучилась, рожая маму. И прабабушка... Ой, нет, о том, что сделала прабабушка, расскажу как-нибудь потом!

Словом, ни к коем случае мама не должна узнать, что я влюбилась. Иначе она непременно повторит этот рассказ о родах – с тем, чтобы освежить в моей памяти все эти жуткие подробности.

Ну ладно, бог с ними, с моими родными. Я же в эти дни думаю только о Тебе. И о том, чтобы Ты обратил на меня внимание. Потому что я знаю – у нас все будет по-другому. Красиво, чисто и романтично.

После занятий в школе я брожу по городу в своей клетчатой юбке, голубой блузке, с распущенными волосами. На первый взгляд мои прогулки бессмысленны и хаотичны, но на самом деле они подчинены определенной цели – хочу увидеть Тебя лишний раз.

Потому что когда я вижу Тебя, то испытываю странное чувство. Мне хочется плакать... и восторг еще, словно я лечу на «американских горках». Даже дух захватывает. Я, наверное, могла бы смотреть на Тебя вечно.

Кое-кто из окружающих заметил перемены, произошедшие во мне. Ровесники, ребята старше. Они смотрят на меня уже по-другому, не так, как раньше. Даже сосед дядя Толя – и тот заметил. Он очень хороший, положительный мужчина, работает на заводе начальником цеха. Недавно его бросила жена. («Любка Толина – чокнутая, корыстная нимфоманка. Ушла к молодому и богатому», – как в разговоре с бабушкой сообщила мама.)

Дядя Толя как-то проводил меня взглядом и сказал:

– Ой, Ритка, выросла всем нам на погибель... Смотри, будь хорошей девушкой. Не как эти...

Наверное, он имел в виду свою бывшую жену Любу и всех тех девиц, которые вели себя плохо.

Да. А кстати, как должна себя вести хорошая девушка?

Мама мне в пример всегда ставит Варю – особу из соседнего подъезда. Варя на год старше меня, она уже заканчивает школу и интенсивно готовится к выпускным экзаменам. Год разницы в нашем возрасте – уже целая пропасть... Я с этой Варей никогда не общалась, и не только из-за возраста. У Вари какие-то «крутые» родители, они все время в заграничных командировках.

Варю воспитывают бабушка с дедушкой – очень строго и правильно. Варя отличница, у нее образцовое поведение, она выглядит и ведет себя как настоящая леди – безупречно. (Говорят еще, что, когда Варя занимается, она забывает обо всем. Может за учебником до утра просидеть, если ей только не напомнят, что пора спать ложиться.)

Итак, Варя умеет концентрироваться. У нее есть цель. Я же ни на чем не способна сосредоточиться, и никакой цели у меня нет. То есть человека из меня не получится.

Она ходит в музыкальную школу (играет на фортепиано), а еще у Вари есть нечто, что отличает ее от всех прочих ровесниц.

Дома у Вари живет самая настоящая игуана – экзотическая ящерица (привезли родители из дальних стран). Не какая-нибудь банальная кошка или собака! Или хомяк в клетке... Игуана – это маленький динозаврик (по крайней мере, внешне). Игуану я видела один раз, когда родители Вари милостиво позвали всех детей дома на Варин день рождения... У игуаны вполне человеческое имя – Лили.

Словом, Варя – со всех сторон необыкновенная девушка. Красива ли она? Мои мама и бабушка считают, что да. По их мнению, Варя выглядит гораздо лучше меня, белобрысой тощей пигалицы. Варя – очень высокая. Не толстая, но плотная, с широкой костью. («Настоящая женская статья!» – мама о Варе – одобрительно.) С пепельными выющимися волосами. Строгим, неподвижным лицом. Варя никогда не смеется, потому что она – очень ответственный и серьезный человек, не какая-то там дурочка из переулочка. У нее светло-серые глаза, белая кожа и черные брови.

Эти брови и вызывают у меня сомнения в Вариной красоте. Они слишком выделяются на ее лице, они какие-то угрожающие. Нет, это не смешные «брежневские» брови, но все же они какие-то чересчур «соболиные». Хотя... благодаря этим бровям окружающие (и моя мама в том числе) называют Варю «настоящей русской красавицей».

И она, эта девушка, молчалива.

Я на людях, допустим, тоже не слишком разговорчива, и со своими родными тоже не особо болтаю, но с подругами, например, люблю пообщаться. На меня иногда даже находит что-то такое – невозможно остановить, говорю и говорю... Варя же – нет, она всегда полна спокойного достоинства, которое, кажется, ничем нельзя нарушить.

Мне это тоже не нравится в Варе, кстати. Если человек все время молчит, то это подозрительно (как и в случае с моей прабабушкой). Либо он скрывает что-то, либо у него вовсе нет мыслей. Потому что если человек живой, думающий, анализирующий действительность, то в голове у него всегда кипит работа, он реагирует на внешний мир, он пытается познать себя... А тут какая-то каменная глыба, а не человек. И лицо это спокойное, под шатром из соболиных черных бровей. Она идет и молчит. Смотрит и молчит. Ну скажи же что-нибудь! Не словами, так взглядом. Краешком губ хотя бы, но вырази себя-то!

Хотя, чего я привязалась к этой Варе. Ведь благодаря ей мы с Тобой и заговорили впервые. Нет, безусловно, до того дня мы в школе перебрасывались ничего не значащими фразами, здоровались. (Ты, кстати, здоровался со всеми и для всех находил пару-тройку фраз, задорных и добрых.) Но вот чтобы мы с Тобой *говорили*... Такого еще никогда не было. Кто Ты – номер первый, и кто я – предпоследняя циферка...

Так вот, однажды Ты зашел к нам во двор. Я, обычно шлявшаяся по улицам и искавшая случайных встреч с Тобой (иногда это получалось, кстати, и Ты тогда весело махал мне рукой с противоположной стороны улицы или бросал, пробегая мимо: «Привет, Ритка!»), тут оказалась лицом к лицу с Тобой.

– Привет, Ритка. – Ты энергичной походкой вынырнул из-за угла моего дома, сразу подошел ко мне. Я, сидевшая под липами на лавочке, оцепенела, подобно меланхоличной Лили.

Я смогла только кивнуть в ответ.

– Ты тут живешь, что ли? А я к Варе Новосельцевой. Знаешь такую?

Я смогла только кивнуть в ответ.

Ты сел рядом как ни в чем не бывало.

– Она в МГИМО этим летом поступает. Хочу спросить у нее одну книжку... – Ты посмотрел на наручные часы. – Обещала в три выйти. Сейчас без пяти. А ты, Ритка, надумала, куда через год пойдешь?

Я смогла только отрицательно повертеть головой. Хотя на самом деле мое будущее было определено – мама собиралась взять меня секретаршей на свой завод. У нас в городе был большой завод («градообразующее предприятие»), на котором работали большинство жителей, в том числе и мама – в почетной должности главного бухгалтера.

В этот момент из подъезда вышла Варя – в длинном темно-синем платье, с высоко забранными волосами. В одной руке Варя несла книгу, а другой придерживала сидевшую на плече Лили, свою знаменитую игуану.

– Варенька, привет! Что за чудо? А погладить можно? Не укусит? Это кто – он или она? – непринужденно болтал Ты.

Варя ответила, глядя на меня из-под своих соболиных бровей. Потом поздоровалась со мной.

Я смогла только кивнуть в ответ. А потом... А потом я поняла, что веду себя крайне глупо и неправильно. Что я теряю? А ничего.

– По-моему, ящерица – это скучно, как ни в чем не бывало заговорила я.

– Как это скучно? – без всякого выражения спросила Варя. – Это редкое животное.

– Ну и что... Оно холоднокровное ведь? Равнодушное? – нахально продолжила я.

– Нет, она меня узнает. Меня Лили никогда не кусала, – вежливо возразила Варя.

– Это хорошо, что она хозяев узнает и не кусает их. Но она же не играет, не ластится, не показывает свою радость, когда ты, например, приходишь домой? Дрессировать ее можно? А вот собаку – можно... С собакой интересно. Выходишь с ней гулять, бросаешь мячик – она приносит... Радуетя дико, когда видит тебя. Даже облизать может. А кошки? Я обожаю котят! – с чувством, свирепо воскликнула я. Вот ведь, словно плотину прорвало. – Они такие пушистые, милые... Их так приятно держать в руках, гладить! Эта радость прикосновения... А тут какая радость? – Я протянула руку к Лили, намереваясь ее погладить. Лили щелкнула челюстями – я едва успела отдернуть пальцы. – Ой...

Ты засмеялся. Так заразительно, что даже Варя улыбнулась. И я тоже засмеялась.

Мы стояли и хохотали. И Ты смотрел только на меня – с веселым удивлением, одобрением. Ласково. Словно то, что я сказала и сделала, было забавным и милым.

Во двор вышла Нина, моя подруга. Она тоже особо не общалась с Варенькой, но тут увидела меня, подошла, и мы уже заговорили вчетвером, и получилась *компания*.

Правда, болтала больше я – острела, шутила, Ты подхватывал мои шутки, глядя на меня со все большим удивлением, одобрением.

Потом Вареньку позвала бабушка (экзамены же на носу, отвлекаться нельзя!). И Нина тоже ушла, напоследок зыркнув на меня очумелым взглядом, в котором читалось откровенное: «Ну, Ритка, ты даешь! Самого Макса кадрить!» Мы остались с Тобой вдвоем. И я так отчаянно, так неистово не хотела с Тобой расставаться! Мы еще час с Тобой болтали, сидя на скамейке.

Мы словно друзьями с Тобой стали.

А потом, на следующий день, Ты подошел ко мне в школе, и мы опять долго говорили, и на следующий день говорили, а потом Ты специально встретил меня, и мы шли из школы вместе... Идя рядом с Тобой, я испытывала какое-то необыкновенное ликование, словно совершила подвиг.

Наступили каникулы. Большая часть одноклассников куда-то разъехались, учителя принимали экзамены у других классов (а значит, не отвлекали Тебя, незаменимого, общественной работой), и это было мне на руку. Поскольку мы с Тобой могли и не разлучаться почти.

Что мы и делали.

Гуляли по старому парку, ходили в кино и говорили, говорили... Мешал нам только Твой младший брат – Иван, мальчишка лет двенадцати. Он был не совсем нормален, я слышала. Хотя учился в нашей же школе, да и выглядел и говорил, как обычный ребенок. Симпатичный такой парнишка... Но, как я слышала, Иван с трудом читал и писал. Наверное, точно что-то такое с головой у него было, психическое! Но паренек был славный, его постеснялись в спецшколу выгонять. Он бродил за нами следом, пытался составить нам с Тобой компанию, но, боже мой, как он нам мешал...

Однажды Ты послал его за мороженым, и мы удрали опять в старый парк. А там... а там Ты впервые меня поцеловал.

Это произошло неожиданно. Мы с Тобой сидели на скамейке, возле фонтана, смотрели на брызги воды, болтали о кино, и вдруг, посреди этого оживленного, интересного разговора, словно забыв обо всем, Ты закрыл глаза, притянул меня к себе и поцеловал.

Знаешь, я никогда не забуду об этом поцелуе, первом в моей жизни. Через сто лет, когда я буду умирать, я буду вспоминать именно этот поцелуй.

Я люблю Тебя. Я люблю Тебя больше жизни. Кроме Тебя, мне никто не нужен...»

* * *

Новостная строка в Интернете.

Выборы:

Согласно федеральному закону «О выборах Президента Российской Федерации» президентом может быть избран любой гражданин России не моложе 35 лет, постоянно проживающий в России не менее 10 лет.

Существует два способа принять участие в выборах:

Как кандидату от зарегистрированной политической партии.

Как самовыдвиженцу. Гражданин Российской Федерации может выдвинуть свою кандидатуру, но при условии поддержки его выдвижения группой избирателей. Такому кандидату для регистрации сначала необходимо создать и зарегистрировать в ЦИК группу избирателей в количестве не менее 500 граждан Российской Федерации, обладающих активным избирательным правом. Затем, чтобы быть допущенным к выборам, ему надо собрать и представить в Центральную избирательную комиссию не менее 2 миллионов подписей избирателей.

Итак, на предстоящих выборах нас ждет новая интрига. Свою кандидатуру на пост Президента страны выдвинул Максим Столяров, губернатор N-ской области.

По оценкам независимых аналитиков, у Максима Столярова неплохие шансы занять кресло Президента... Есть надежда, что Столяров сумеет собрать необходимое количество голосов. В январе этого года он вернулся в свой родной город – Видногорск, дабы заручиться поддержкой избирателей.

Максим Столяров – один из самых молодых кандидатов в Президенты. Краткая биография: Столярову сорок один год, он родился и вырос в городе Видногорске N-ской области. По окончании школы поступил в МГИМО, окончил его с красным дипломом. Работал по специальности, затем был избран мэром города Атарска. Работал на этом посту десять лет, затем Столярова назначили на пост губернатора.

Еще будучи студентом, Максим Столяров женился на Варваре Новосельцевой, уроженке его родного города Видногорска. Ранний брак этот, по первой любви (как признался Максим Столяров), оказался неожиданно счастливым и крепким. Жена Варвара – надежный помощник и спутник, поддерживает мужа во всех начинаниях.

В семье Столяровых – трое детей. Старшей дочери Софье – двадцать лет, она студентка педвуза. Младшей дочери Пеллаге – пятнадцать, сыну Платону – десять.

* * *

– ...неплохие шансы у него. Надо же, какой молодец! – недобро прошептала Марго, глядя на монитор. Она читала новости в Интернете и вот наткнулась на это сообщение.

Хотя чего тут удивительного? Сто лет назад было понятно, что Макс далеко пойдет.

Но сердце дрогнуло, чего скрывать...

Время от времени Марго случайно ловила в новостях его имя – вот так несколько лет назад узнала, что Макс стал мэром Атарска, крупного, соседнего с Видногорском города. Да, кстати, а почему Макс не захотел возвращаться в родные пенаты? Тут могут быть два варианта. Либо бывшему отличнику предложили заманчивую мэрскую должность в Атарске, и он не смог от нее отказаться, либо Макс сознательно не захотел возвращаться в Видногорск и стал строить свою карьеру в другом месте. Тогда следующий вопрос: а почему Макс избегает родного города? Может быть, он не хотел, пусть даже случайно, встреч с ней, с Марго? Или ему все в Видногорске напоминало о ней, об их любви?

«Нет, это глупо. Женщины часто приписывают мужчинам то, что чувствуют сами. Это мне даже думать больно о городе своего детства, но Макс не такой. Скорее всего, он действительно покинул Видногорск из каких-то карьерных соображений. Он забыл обо мне давно. Он считает Вареньку своей первой любовью. Ну и ладно, ну и славно. Ему, как политику, в плюс, что он уже больше двадцати лет в браке – значит, он надежный семьянин. А если он надежный семьянин – значит, и Президентом будет надежным. О своей стране, как о родной жене, заботиться станет. Трое детей, опять же! «Это ж какой хороший мужик! Настоящий!» – будут пускать слюни избиратели. Вот такая у людей логика. А то, что он, может быть, презервативами так и не научился пользоваться, – это никому в голову не придет!» – со злостью подумала Марго.

О том, что ее бывший возлюбленный стал отцом многочисленного, по нынешним меркам, семейства, женщина узнала тоже несколько лет назад. Понесла ее нелегкая читать в Интернете новости родного края... И вот – здрасьте! – новый мэр Атарска – жена, трое детей, такой весь прекрасный и положительный!

Помнится, тогда это неприятно поразило Марго – то, что у Макса с Варенькой столько детей. Словно он трижды вонзил в спину бывшей возлюбленной нож. Трижды от нее открылся!

Именно в то время Марго и задумала написать этот свой роман. Чтобы выплеснуть свою боль, избавиться от воспоминаний прошлого навсегда. И писательство в данном случае можно рассматривать как некую терапию.

Некоторое время Марго откладывала, обдумывала сюжет нового романа и лишь год назад наконец взялась за него. Полгода еще писала. Там было почти все из жизни – факты, события, люди. Имена Марго, конечно, заменила. В черновике она еще позволяла иногда упоминать его и свое имя, имена друзей и родственников, но потом несколькими нажатиями клавиш быстренько заменила все именами вымышленными. Еще кое-что придумала, чтобы добавить в сюжет интриги, – ведь в основе ее книг всегда была детективная линия, а жанр менять нельзя...

Словом, Марго сюжет из своей юности превратила, по своему обыкновению, в детектив с сильным элементом мелодрамы, чтобы и чувства свои выплеснуть, и читателю не дать заскучать.

Но если бы эту книгу взял в руки Макс, то он мигом бы все понял. Марго написала книгу о нем. И об их любви.

...Марго еще раз просмотрела статью о новом кандидате в Президенты, затем, почем зря ругая себя за глупое любопытство, нажала на другие ссылки по данной теме.

И что? Интернет, эта огромная свалка – всего нужного и бесполезного вперемешку, – мигом выплеснул на Марго другие статьи о Максе. Интервью с Максимом Столяровым, куча фотографий...

Вот Варенька, все такая же бровастая, вот бровастые их дети (все в мать!), вот Макс. Все такой же красивый. Вернее, все такой же интересный, обаятельный. На фото он беседовал с избирателями, что ли, – смотрел на своих собеседников со знакомым Марго выражением – ласковой приязнью. Господи, если на тебя хоть кто-то так смотрит, то наизнанку хочется вывернуться ради этого человека!

«Что же я делаю... – с яростью подумала Марго. – Совсем дурочка! Сама себя извожу. Зачем? Сколько можно? С глаз долой, из сердца вон!»

И она закрыла окна со статьями о Максе. Но зато под ними всеми осталось одно открытое окно – со статьей о ней, о Марго. О том, как прошла презентация книги «Я и Ты». Женщина невольно прочитала несколько комментариев под статьей. Гадкие и злые слова... «Хотя чего удивляться, все комментарии в новостях такие! О ком ни напишут – всех грязью обольют».

Но чужая злость еще больше завела Марго.

Краем глаза Марго заметила в комментариях знакомое имя, вернее, ник «Мелани». «Мелани, Мелани, что-то помню... А, это та самая тетка, которая писала в Костином, то есть моем блоге! Ну, сейчас я все скажу, что о ней думаю... Сволочь какая!»

Марго нажала на имя Мелани, и сразу вышла в блог этой неприятной особы. Что ж, так и есть. Эта Мелани написала целый пост о некоей «пЕсательнице» Марго, которая «позорит великую русскую литературу».

Под постом шли комментарии друзей Мелани. Естественно, они поддерживали автора блога и поливали помоями Марго.

Марго: «Послушайте, Мелани, что вы себе позволяете? Вы в открытую, называя людей по имени, поливаете их грязью, оскорбляете. Вы не боитесь, что я на вас в суд подам?»

Через несколько секунд выскочил ответ неприятной особы.

Мелани: «Если не я, то кто защитит Литературу? Больно смотреть, во что превратили ее современные писаки, ради денег готовые на все!»

Марго: «Вы хоть одну мою книгу читали???»

Мелани: «Я мараться в этой грязи не собираюсь».

Марго: «Знакомая песня: не читал, но осуждаю. Этот наивный идиотизм не может умилять...»

Далее Марго разошлась и позволила себе оскорбительные выпады в сторону Мелани. Мелани и ее друзья в долгу не остались. Часа два Марго ожесточенно ругалась с ними со всеми в Сети и только усилием воли заставила себя остановиться и выключить компьютер.

«Вот только этого мне не хватало – участвовать в подобных холиварах!» – схватила она за голову. И опять вспомнила о Максе. Пожалуй, никакая сила не могла заставить ее забыть о нем. Пиши роман, не пиши, броди по клубам, ругайся в Сети с Мелани и в реале с Костиком, пей шампанское – ничего не помогает.

– Эй, Растињяк... – крикнула Марго. – Я еду в Видногорск.

Костик вошел в комнату, вздохнул.

– Не пугайся, я тебя с собой не возьму. Будешь сидеть здесь, следить за квартирой и щебетать с дамочками в моем блоге.

– Надолго? – явно ободрившись, спросил Костик.

– Что надолго? А, не знаю... Меня заинтересовал тот материал о маньяке из Видногорска, – подумав, добавила Марго. – Заодно и родню проведаю. Сто лет ведь там не была!

– Да. Это хорошо. Езжай. Тебе надо развеяться. А я напишу пост о том, что ты отправилась собирать материалы для своего нового романа! От твоего лица, конечно... – продолжил Костик с еще большим энтузиазмом. – А еще жаловалась на творческий кризис! Ты должна мне сказать спасибо за то, что я подбросил тебе эту идею – написать о новом Джеке-Потрошителе... Из этого сюжета конфетку можно сделать!

– Спасибо, – скрипучим голосом произнесла Марго.

О Максе Марго даже упоминать не стала. Этого еще не хватало – рассказывать Костику о Максе... Как и в юности, Марго ни с кем не делилась своими переживаниями. Возможно, Костик в новостной строке увидит сюжет о том, что новый кандидат в Президенты тоже находится в Видногорске. Ну и что? Никто не знает, что автор детективных мелодрам Марго когда-то училась в одной школе с будущим Президентом. У Марго только имя. Наверное, и сам Мак-

сим Павлович Столяров не в курсе, что популярная писательница Марго – это та самая Рита Булгакова, его настоящая первая любовь.

* * *

С сайта, посвященного популярной психологии:

Незавершенный гештальт – это главный источник, питающий невроз, а значит, мешающий человеческому счастью.

Незавершенный гештальт – это цепь, которая приковывает нас сильнее других невидимых глазу цепей к жизненным ситуациям, людям и местам. Он возникает, когда мы чего-то в этой жизни хотели, а не получили. Когда любили кого-то, но отношения эти не получили завершения, оборвались. Когда мы не довели до конца работу, не доделали какое-то важное дело...

И тогда постоянно, в своих мыслях мы возвращаемся к тем событиям... На протяжении многих лет!

Вот это и есть незавершенный гештальт.

Чем же опасен незавершенный гештальт? Он создает внутри нашего организма очаг хронического неудовольствия или тревоги. Он мешает нам построить новые отношения. Что же делать?

Для завершения незавершенных гештальтов нам нужно воспользоваться советом, который сто лет назад дал миру писатель Оскар Уайльд:

«Чтобы побороть искушение – нужно ему... поддаться».

Для работы над завершением гештальтов надо начать с завершения самого простого и лежащего на поверхности гештальта! Того, что не требует дум и значительных усилий. Исполните свою заветную (желательно – глупую) мечту. Научитесь танцевать танго! Научитесь вязать крючком. Прыгните с парашютом!

И тогда гештальты начнут закрываться один за другим. Если же дело касается чувств, то постарайтесь найти своего бывшего возлюбленного (возлюбленную), с кем прервались отношения. Возможно, последует продолжение романа... И ваше сердце, наконец, успокоится.

* * *

– Какая же это морока, – с чувством произнес Иван. – И кто только это все придумал...

Он стоял у банкомата и мучительно вглядывался в экран. Там были *буквы*.

Эти буквы складывались в слова, а слова складывались в фразы. И смысл этих коротких фраз ускользал от Ивана. Вроде бы все понял, прочитал, а вот на тебе – не то чего-то выходит... Таблички какие-то выскакивают, опять чего-то спрашивает банкомат, заманивает в лабиринт без выхода... Эх, не надо было с этой машиной связываться, а сразу к операционистке, живому человеку, идти! Дурацкая самонадеянность – нет, в этот раз справлюсь, смогу...

– Девушка! Девушка, ну где вы там! – нетерпеливо позвал мужчина. Иван специально все операции с карточкой проделывал в помещении банка, чтобы в любой момент обратиться к сотруднице. Тут его уже все знали.

Рядом, за стеклянной стеной, на площади кипела жизнь. Повалила толпа. Это пришел поезд. Самая работа, клиенты! А он тут с банкоматом воюет...

– Девушка, подойдите еще раз ко мне, пожалуйста! На что надо нажать?

По ступенькам с платформы спускались люди. И вдруг... В первый момент Ивану показалось, что у него галлюцинация. Там, в толпе, шла Рита. Рита?!

– Ваня, ну что тут у тебя опять? Ты деньги снять хочешь или счет оплатить? – раздался голос сзади. Это старшая операционистка, Анна Витальевна, специально вышла в зал, чтобы помочь ему, поскольку молодые сотрудницы куда-то разбежались. Но Иван не ответил. Он стоял, прилипнув носом к стеклу, и смотрел, как Рита садится в такси.

Это могло быть его такси, Ивана... Это он мог возить сейчас Риту.

Но он, как дурак, торчит здесь, воюя с банкоматом.

* * *

Четыре с половиной часа на электричке пролетели незаметно, хотя раньше путешествие Москва – Видногорск казалось Марго мучительно долгим. Невыносимым. И потому она последние годы старалась не ездить домой. Матери надо повидать дочку – вот пусть сама и добирается до Москвы. Не старушка, чай. В семье все родные Марго по женской линии отличались исключительно крепким здоровьем и долголетием. И выглядели всегда хорошо, моложе своего возраста. Невысокие, астеничного сложения, со светло-русыми волосами женщины, точно сделанные под кальку, таковы они все были – Марго, ее мать, ее бабушка и ее прабабка, разменявшая недавно сто лет. И все живучие и неласковые, точно дикие кошки.

Но в этот раз дорога не показалась Марго долгой, поскольку все это время, сидя в электричке, Марго оказалась занята. Самоедством.

Что она делает? Зачем? Зачем едет в город своего детства – ведь ясно же, что с Максом они вряд ли смогут встретиться. Это не старые времена, когда она, девчонкой, бродила по Видногорску в надежде столкнуться с парнем № 1 нос к носу якобы случайно. Да, и сталкивалась иногда, и ловила жадно его слова – «Ритка, привет!» – до того знаменательного дня, когда Макс пришел в их двор, к Варе Новосельцевой, и уж после того Макс сам ловил Марго, сам искал встречи с ней. Вернее, не Марго, а тогда еще Ритку Булгакову. Загадочная Марго, сочинительница детективных мелодрам, появилась позже...

Это, кстати, к вопросу, почему Марго отсекла свою фамилию и печаталась только под именем. Слишком знаковая была у нее фамилия, слишком. Булгаков – только один на литературном небосклоне. Вот и получилась просто Маргарита, Марго. И, опять же, игра с ассоциациями... Хотя времена нынче такие, что нет Мастера, а есть одна злая, одинокая Маргарита, строчащая попсовые романы.

...Но в этот раз случайно встретиться с Максом вряд ли получится. Человек такого ранга пешком не ходит. Передвигается на машине, возможно, с охраной даже. Конечно, он выходит «в люди», но это, наверное, что-то вроде встреч с избирателями, какие-то агитационные мероприятия – на площадях, в заводском клубе, других больших залах, где толпы народа, где шумно, где невозможно поймать его взгляд, подойти к нему близко...

Старые телефонные номера давно не отвечают. Ему не дозвониться просто так. Хотя, наверное, у Максима Столярова есть своя приемная, и секретарь там сидит и ведет запись желающих встретиться с ним... Но разве Марго пойдет на прием к будущему кандидату в Президенты? Нет.

Зачем? У него семья – трое детей, бровастая молчаливая Варенька рядом, надежная, словно танк.

По сути, это блажь и дурь, что Марго спустя двадцать лет (на самом деле больше, но так удобнее, с круглым-то числом) помчалась в родной город, где появился вдруг Он, принц ее юности. Готовящийся, кстати, принять королевский сан, если играть и дальше в классическую мелодраму...

Они не могут встретиться, никак. И даже если вдруг (вдруг, о чудо!) их пути пересекутся, то никакого смысла в этой встрече нет. Глупо думать, что почтенный кандидат бросит жену и

троих детей, а также все надежды на президентство, воспылав ностальгическими страстями к выцветшей, засушенной посреди бумажных страниц обыкновенной маргаритке.

Скорее всего, Макс давным-давно забыл о Рите Булгаковой. Или вспоминает, но изредка, мельком, без душевного надрыва – просто как факт из своей биографии...

«Но я все равно туда еду. Значит, ничего не прошло. Ничего не помогло, хоть тресни. До самой смерти в моей голове будет сидеть эта заноза... – спускаясь по ступеням из вагона, размышляла уныло Марго. – И никак ее оттуда не вытащить, разве что только сделать трепанацию черепа, с риском для жизни!»

Она ступила на платформу, вдохнула полной грудью – горький, пропахший железнодорожной гарью, холодный, влажный воздух начала февраля.

«Как там у Пастернака? «Ты здесь, мы в воздухе одном...» Макс, я чувствую – ты здесь. Где-то рядом. О, дура...» Марго, держа за ручку чемодан на колесиках, спустилась на привокзальную площадь.

Изменилось многое. Выросли, точно грибы, какие-то дома из стекла и бетона, вокруг – магазины, офисы, банки... А, нет, вон привычные ряды торговых палаток пестреют!

Марго обошла их, увидела очередь из такси, быстро договорилась с водителем.

Через пятнадцать минут она уже стояла в своем родном дворе.

Двор был прежним. И многоквартирный дом. Вон там жила Варенька Новосельцева, там – подруга детства Нина... А на том месте стояла скамейка, на которой сидели когда-то, в тени цветущих лип, будущий политический деятель Макс Столяров и будущая писательница Марго. Скамейка, новая, – теперь в другом углу двора, земля засыпана рыхлым снегом, а голые ветви деревьев упираются в сизое февральское небо, с неряшливыми мазками закатного солнца у горизонта...

Дверь подъезда хлопнула, и Марго увидела дядю Толю, соседа. Постарел, усы поседели, но все те же строгие, справедливые глаза бывшего начальника цеха.

– Ритка! Ну, с приездом. – Он энергично пожал ей руку. – Совсем не изменилась.

– Спасибо, дядя Толя, вы тоже!

– Как там Москва?

– Плохо... Гнездо порока. Вавилон! – Марго шутила, но дядя Толя шуток не понимал. Праведный гнев вспыхнул в его выцветших карих глазах:

– Это точно, Вавилон! Беги оттуда, Ритка. Нечего тебе там делать. Ну ладно, я побежал, на собрание опаздываю...

И дядя Толя, призрак социалистического прошлого, энергичной рабочей походкой зашагал прочь. На какое еще собрание он торопился?..

В этот момент к Марго через двор засемила грузная женщина в мохнатой длинной шубе, на голове – широкая круглая шапка из норки, больше напоминающая автомобильное колесо; с мопсом на поводке.

– Рита! Рита, ты дома... Какими судьбами? – мелодично пропела женщина.

Только по голосу Марго смогла признать Нину, подругу своего детства.

– Родных вот решила навестить, – любезно произнесла Марго. – А я тебя не узнала, Нина.

– Ну да, сорок лишних килограмм... – криво усмехнулась Нина. – Ты все так же любишь правду-матку резать в лицо...

– Я тебя в этой шубе и в этой шапке не узнала, – засмеялась Марго. – Перестань комплексовать, Нина.

– А гулять с собакой холодно, вот и кутаюсь. У нас же не Москва, по-простому все одеваются... – опять усмехнулась Нина. И, точно стесняясь, продолжила своим мелодичным, неестественным голосом, кивнув на мопса: – Вот дочь собаку завела, а гуляю с ней я. Дочери уже семнадцать, выпускной на носу. А у тебя как, есть детки?

«Вот сволочь, – безо всякой обиды подумала Марго. – Ведь наверняка от моей матери знает, что нет у меня никого!»

– Я чайлдфри, Нина, – сообщила Марго.

– Кто-кто?

– Чайлдфри. Ну ладно, потом еще поболтаем, сейчас некогда!

* * *

Из Википедии:

Добровольная бездетность, чайлдфри (англ. childfree – свободный от детей, бездетный) – отсутствие детей и сознательное нежелание когда-либо их иметь.

Термин «childfree» возник в противовес слову «childless» («бездетный»), которое, по мнению некоторых, означает, что детей «недостает» и они желанны. Чайлдфри утверждают, что их жизнь может быть полноценной и без потомства. Некоторые из них могут любить детей, некоторые остаются безразличными, некоторые испытывают неприязнь, но общими для всех чайлдфри являются: отсутствие ребенка и нежелание становиться родителем.

В целом наблюдения показали, что чайлдфри-пары более образованны, более востребованы как профессионалы и руководители, имеют больший доход (оба супруга), склонны жить в городах, менее религиозны, менее склонны к соблюдению традиционных гендерных ролей и обычаев.

В ходе статистического исследования были выяснены наиболее распространенные причины быть чайлдфри: нежелание жертвовать личным пространством ради ребенка, отсутствие убедительной причины иметь детей, нежелание терять время, активное отвращение к детям, удовлетворенность домашними животными и наблюдением за детьми родственников или друзей.

Статья в «Комсомольской правде»: «Я мать, и вы мне все должны»:

<http://kp.by/daily/24454/617812/>

* * *

Встреча с родными прошла, как всегда, тяжело. Они вроде и радовались приезду Марго – поцелуй, объятия, но, с другой стороны, словно едва сдерживали свое недовольство. Мама постоянно поджимала губы, обрывала себя на полуслове, бабушка испуганно вздыхала и отворачивалась.

Марго знала весь этот спектакль наизусть – ее родные были недовольны, и лишь торжественный момент встречи не давал их недовольству развернуться в полную силу. А уж завтра они выскажут своей девочке, как она плохо выглядит, как ужасно одета и что цвет этой помады ее старит, а презенты, которые привезла из столицы, никуда не годятся, потому что бесполезны – это раз, и два – подобные вещи продаются в соседнем магазине и в три раза дешевле – без столичной-то накрутки.

Прабабушка, сидевшая в кресле перед телевизором, на приезд Марго никак не отреагировала и не сказала ни слова. Но милостиво позволила правнучке поцеловать ее в холодную, жесткую щеку.

– Совсем плоха стала... – шепотом пожаловалась мама потом, в другой комнате. – Почти не встает. Не говорит.

Марго прабабка плохой совсем не показалась. Просто старушка не хочет ни с кем общаться. Так бывает – с годами все труднее жить рядом с родными, которые надоели до чер-

тиков, до зубного скрежета. Верно, долголетие им всем, женщинам рода Булгаковых, – как наказание.

Осторожный разговор вечером за чаем – какие новости, что в городе творится – тоже не оказался полезным. О Максе они сказали только, что если тот станет Президентом, то это будет большая удача для страны, ибо это единственный достойный человек из всех кандидатов, включая ныне действующего Президента, намеревавшегося баллотироваться на другой срок. И что Марго – дура, раз такого человека, как Макс Столяров, в свое время прохлопала.

– Но он бы с Ритой долго не прожил, нет, – задумчиво произнесла мать, обращаясь к бабушке. – Ну какая из Ритки – первая леди, сама подумай! А Варенька – да, образец. С Варенькой Максимке повезло. Он ведь умный парень, знал, кого выбирать. Ты, Рита, не обижайся – взрослый человек, сама все понимаешь. У тебя ни выдержки, ни характера, ни такта, чтобы женой политика быть.

Марго затрясло, но она заставила себя промолчать. И правда, первый вечер дома, негоже сразу скандалить.

Она моментально перевела разговор на видногорского Джека-Потрошителя. Правда ли, что говорят в новостях?

Мать и бабушка, переглянувшись, засмеялись.

В маньяка родные Марго не верили. Ну, убили трех вокзальных проституток, что такого? Это случайное совпадение, что троих подряд. Бывает. Потому что у них работа такая, опасная, у этих девиц... Ничего удивительного.

– Да? Жаль... – пробормотала Марго. – Я так надеялась, что хоть маньяк у нас появился настоящий...

* * *

Новостная строка в Интернете.

Расследование ведет... писатель!

Популярный автор детективных мелодрам, работающий под псевдонимом Марго, направляется в Видногорск – собирать материалы о жестоком маньяке.

Зимой этот городок потрясла серия загадочных преступлений, жертвами которых стали местные жрицы любви. Именно это обстоятельство и дало повод окрестить преступника Джеком-Потрошителем.

Известные преступники и громкие уголовные дела нередко ложились в основу литературных и кинороманов.

Поскольку местные органы внутренних дел оказались в затруднении, то есть надежда, что талантливая писательница, чьи суммарные тиражи превышают три миллиона экземпляров, сумеет раскрыть это преступление.

Комментарии под статьей:

Пал Палыч: «Чтоб вы все сдохли, журналюги, такую хрень в новостях пишете! Других дел как будто нету... Уже в печенках эта Марго!»

Ромашка: «Я наших авторов вообще не читаю. Это выброшенные деньги и зря потраченное время...»

Илона: «Ой, обожаю Марго!»

Еще 47 комментариев. (Читать все.)

* * *

Мелани (в миру – Марина Игоревна Артемова) старалась избегать неприятных людей и никогда не ввязывалась в сомнительные ситуации. Но это не значит, что она ничего вокруг не замечала и не страдала от людской глупости.

Именно поэтому Мелани завела в Сети блог – чтобы говорить с близкими ей по духу людьми о наболевшем, о пороках и несовершенстве мира и тем самым делать этот мир лучше. А также поделиться приятными впечатлениями – от книг, кино, спектаклей...

Но так получилось, что все последнее время Мелани занималась *неприятным*. Марго – особа, нахально называющая себя писательницей, заявила вдруг в блог Мелани и оскорбила всех – и хозяйку блога, и друзей хозяйки.

Конечно, можно было не обращать на Марго никакого внимания (да мало ли на свете хамов и дураков!), но Мелани ощущала... нет, не свою вину, но определенную ответственность за то, что сама, по доброй воле, ввязалась в полемику с Марго.

Ведь это именно она, Мелани, первой зашла в блог Марго и просила ту не называть себя писательницей. Это именно она, Мелани, выставила на всеобщее обозрение свое мнение о Марго и прочих современных писаках... разумеется, скандальная Марго не могла стерпеть подобного, залезла в журнал Мелани и принялась со всеми ругаться!

Это все понятно.

Но что смущало Мелани. Она ведь сейчас оказалась перед поворотным моментом сюжета. Можно было смолчать, замять дискуссию (под соусом того, что нечего с этой безнравственной дурочкой Марго говорить, все равно та ничего не поймет и не изменится). А можно было продолжать бороться с Марго и ей подобными. Тем более что все друзья поддержали Мелани. Они тоже терпеть не могли современных авторш, заполонивших своими опусами все книжные магазины. Имена некоторых этих авторш даже стали синонимами дрянного чтения!

Первый путь был легким и приятным. Беседовать с друзьями о всяком-разном, плывя по реке жизни... Второй путь – тяжелый и печальный. Это осознанный путь борьбы. Когда уже нельзя отступать.

«Кто я? Что я? Зачем пришла в этот мир? – думала Мелани, сидя перед экраном компьютера. – Я могу быть обычной женщиной, одной из миллионов себе подобных. Чью жизнь можно потом пересказать несколькими словами – родилась, училась, любила, родила, работала и... умерла. Все. Но я и могу стать кем-то большим. Превратить слова в дело. Я могу бороться за свои идеи. По сути, что моя жизнь? Болтовня – что в реальности, что в виртуальном мире... А я ведь могу что-то сделать. Я могу изменить все. Я могу изменить мир!»

Мелани щелкнула «мышкой». На экране появилась страничка новостей. И сразу же в глаза бросилось уже ставшее ненавистным имя. Мелани нажала нужную строчку, и перед ней открылось окно с очередной статьей о Марго – «Расследование ведет... писатель!».

– Опять ее писательницей называют, сколько можно! – с отчаянием прошептала Мелани и от гнева даже сжала кулаки.

Марго отправилась в Видногорск. Хм. «А что, если я тоже туда поеду? – вдруг подумала женщина. – Я буду наблюдать за Марго, буду оттуда писать разоблачительные статьи о ней в свой журнал, по горячим следам. В принципе, я могла бы даже фотографировать или снимать на видео репортажи об этой выскочке. Я добьюсь, чтобы этот мыльный пузырь с пошлым именем Марго лопнул! Я объявляю войну всем графоманам!»

* * *

* Графомания, графомании, мн. нет, ж. (от греч. grapho – пишу и mania – сумасшествие) (мед.). Психическое заболевание, выражающееся в пристрастии к писательству, у лица, лишённого литературных способностей.

* * *

– ...ты, милый, все крутишь, крутишь. Поди, денег из меня побольше вытянуть хочешь!
– Бабуля, мы на сто рублей договорились, больше я с тебя и не возьму.
– А почему по проспекту не едешь? – живо спросила пожилая, но весьма бодрая пассажирка, державшая на коленях переноску с котом.

– Там дорогу ремонтируют, пробка, – терпеливо объяснил Иван. – А здесь мы быстрее проедем, по боковой улочке.

– Эге, эге... А потом как попросишь себе еще полтинник накинуть! – ехидно возразила пассажирка. – А у меня, милай, не та пенсия, чтобы полтинниками-то разбрасываться. Вот сейчас еще доктору платить, чтобы Ваське яйца отрезали.

– Жестоко, – вздохнул Иван. – Может, не надо?

– Да как не надо, когда он орет как оглашенный, от соседей одни замечания. А так успокоится он, присмирееет.

Иван притормозил у здания ветклиники.

– Все, бабуля, вылезай... Погоди, я помогу. – Иван выскочил из машины, принял в руки переноску с котом, затем не без труда выдернул из салона грузную, неповоротливую пассажирку. – Сто рублей с тебя.

Едва Иван сел обратно в машину, заработала рация:

– Машина двадцать один десять, свободны? Сейчас ждут на улице Жукова, едут на Верхние Столбы. Берете заказ?

– Беру, – ответил Иван Свете, диспетчеру. – Через пять минут буду на Жукова.

– Двадцать один десять, заказ за вами.

В этот раз пассажиром Ивана оказался интеллигентного вида мужчина с блеском в глазах – явно из тех, кто любит поболтать, пофилософствовать.

– Вот зачем люди животных заводят? – немедленно, без всякого предисловия, начал Иван. Когда была возможность, он охотно болтал с людьми. – Это же они рабов себе заводят!

– Почему же рабов? Мне в Верхние Столбы... – живо отозвался пассажир. – Я думаю, домашним животным нравится такое положение дел. Охотиться не надо, пищу добывать не надо, крыша над головой – ни дождя, ни холода... А еще и приласкают, и поиграют с ними. Лафа!

– Через проспект не повезу, там пробка сейчас. Нет, жизнь – это когда делаешь то, к чему тебя природа приспособила. А когда тебе яйца отрезают... Сейчас бабку вез, она кота в ветклинику кастрировать тащила, – пояснил Иван. – И я подумал, что никакие блага не стоят свободы. Лучше три дня есть свежее мясо, чем тридцать лет питаться падалью.

– Это да... – погрустнел пассажир. – А вот у меня теща, например. Она все за всех знает. И знает, кому чего надо делать. И не важно, что у меня самого голова на плечах...

Далее последовал драматичный рассказ пассажира о своей теще, который взволновал Ивана до глубины души. Затем он подвозил женщину на вокзал, и та делилась уже своими семейными проблемами...

В три часа дня смена закончилась.

Но Иван не поехал домой, он направил машину по одному известному адресу.

Припарковался неподалеку от подъезда, включил негромко музыку. «Но это глупо, – сказал он сам себе. – С чего это вдруг она выйдет сейчас из дома? Погода паршивая – ветер, снег, грязь. Если только дела какие-то срочные... Но вдруг она выйдет и я увижу ее? Я ведь вчера и

не разглядел ее толком. Может, это не она была. Нет, это была она! – сам себе возразил Иван. – Я бы ее из тысячи узнал, из миллиона... Это была она».

Заиграла очередная мелодия. Иван даже вздрогнул – эту самую песню он слушал еще в те далекие времена, когда Рита жила в городе, со своими родными, и он видел девушку почти каждый день.

– Вандерфул, вандерфул лайф... – пробормотал Иван. Английский в свое время давался ему с трудом. Но он все же помнил, что «вандерфул лайф» в переводе значит «чудесная жизнь».

Black – Wonderful Life. Скачать. Слушать.

...Да, была когда-то чудесная жизнь... Когда Риту Булгакову можно было видеть каждый день.

У нее такая смешная и милая походка! Идет, быстро переставляя ноги – шаг неширокий, и кажется, будто Рита немного косолапит, но это не так – след ложится ровно и четко. Собственно, первым делом вчера Иван заметил, узнал сначала ее походку, потом и только потом увидел ее лицо.

Но не успел Иван дослушать песню до конца, как вдруг подъездная дверь хлопнула, и в февральском сизом воздухе нарисовалась, точно знамение, она. Рита Булгакова! В темно-синем, до колен, пальто, напоминающем кокон, с пушистым меховым воротником и с непокрытой головой. Белые короткие волосы чуть взлохмачены, бледное личико, огромные голубые глаза.

Рита была все так же красива, как и много лет назад. Она совсем, совсем не изменилась, и даже больше того – она стала еще прекраснее.

Иван давно заметил – женщины ее возраста либо выглядят прекрасно, либо как-то резко стареют, грузнеют, а в глазах у них начинает плескаться едкая кислота. Куда ни взглянут – там дырку прожгут.

Рита же была прекрасна. В ее глазах сияло само небо.

Она огляделась (искала кого?), потом повернулась и своей стремительной – такой смешной и одновременно милой – походкой направилась в сторону улицы. Оставляя за собой на мокром снегу четкие, ровные отпечатки маленьких ступней. Да! Сейчас на Рите были черные короткие сапожки, дававшие возможность разглядеть ее ноги в подробностях – узкие-узкие щиколотки и красивые ровные икры, обтянутые плотными черными колготками.

– О господи... – сказал Иван и ладонью провел по лицу.

Она, Рита, даже в его сторону не посмотрела.

Но, во-первых, он в машине, а во-вторых, он-то точно изменился! С бородой его никто бы не узнал.

Иван тронул машину с места. Вырулил вслед за Ритой на улицу. Ехал за ней следом, лоя краем глаза стремительное, чуть неуклюжее и очень дерзкое (если можно так выразиться) мелькание ее ног. Походка Риты буквально завораживала Ивана.

Несмотря на свою общительность и болтливость, к Рите приблизиться он не смел. Кто она, и кто он... Но ей же холодно, и снег прямо на голову ей падает.

Поэтому долго наблюдать за тем, как вокруг тонких щиколоток Риты вьется снег, Иван не смог. Это последней сволочью надо быть, чтобы не пригласить ее сесть в машину. (Хотя глядел бы и глядел, как переступают ее ноги... Но так и в аварию самому попасть недолго, вот еще о чем не надо забывать.)

Иван коротко просигналил, затем опустил боковое стекло.

Рита обернулась, настороженно посмотрела.

– Рита, привет! – крикнул Иван, наклонившись к окну. – Это я. Ты меня помнишь? Это я, Иван Столяров.

И тут произошло нечто странное, чего Иван никак не мог ожидать. Рита ахнула, широко распахнув глаза. В ее лице было столько удивления и радости, что...

Она дернула ручку у двери, быстро скользнула в салон, на переднее сиденье.

– Ванечка! – сказала Рита. – Здравствуй, Ванечка!

И дальше произошло нечто и вовсе невероятное, немислимое, невозможное. Она потянулась и поцеловала его в щеку снежными, холодными губами. От нее пахло тоже чем-то нежным, снежным и сладким. И кто только придумывает эти духи, от аромата которых рвутся мужские сердца...

– Ты бородатый... – ласково сказала Рита. – Какой ужас! Ты сейчас на разбойника похож.

Я даже в первый момент подумала, что меня здешний Джек-Потрошитель преследует!

– Ты испугалась... – расстроено произнес Иван, трогая свою бороду.

– Я не люблю бородатых... Да какая разница! – вдруг рассердилась она, но не на него, а словно на себя. – Это все ерунда. Я не о том хотела сказать, Ванечка. Я тебе очень рада, вот что!

– И я тебе рад. Ты вчера приехала в город?

– Да, только вчера.

– Я тебя видел, на вокзале. Но не мог подойти. Я таксист, Рита. Если тебе куда надо, то я полностью к твоим услугам! – От волнения на Ивана даже вдохновение напало. – Вот, запиши номер моего сотового и звони в любое время. Я тебя куда угодно, когда угодно... И совершенно бесплатно!..

– Ты такой милый. Спасибо! – растроганно засмеялась Рита, показав ровные, тоже «снежного» цвета зубы и тоже очень приятной формы – «лопаточками», что ли. В ней все было приятным, милым и забавным, даже такая вроде бы мелочь, как форма зубов. – А брат...

– Что – брат?

– Твой брат правда собирается стать Президентом? – немного смутившись, спросила она.

– Да, правда, – кивнул Иван. Вопрос о брате, Максиме, немного его отрезвил. Эйфория постепенно стала улетучиваться.

– А как так... Он политик столь высокого ранга, а ты в такси, простым шофером... Я не понимаю.

– Но это же он политик, а не я.

– Нет, я не о том. Он мог взять тебя к себе... Хотя – стоп! – я не то говорю. Просто... – Она замолчала, глядя на Ивана с сожалением. С жалостью даже.

– Я понимаю. Все мне об этом говорят, и давно – с тех пор, как Максим сначала мэром стал, а потом губернатором. А теперь вон на что замахнулся... Я привык, – добродушно произнес Иван. – К тому, что я и Максим – очень разные. Но это судьба, видно. Одному политикой заниматься, другому баранку крутить.

– А я книги пишу, – призналась Рита.

– Я знаю. Слышал. Только я ни одной твоей книги целиком, наверное, осилить не смогу, – оправдываясь, с сожалением произнес он.

– И правильно! – вдруг захохотала Рита. – Не хватало тебе эту ерунду читать... Слушай, а давай посидим где-нибудь? В кафе, например. А?

– Ты не торопишься никуда?

– Я? Нет! Я из дома специально удрала, чтобы не поругаться ни с кем. А ты свободен? Тебя дома никто не ждет?

– Меня никто не ждет! – раздувая ноздри, торжественно произнес Иван.

– Тогда вези... Ты же тут все лучше меня знаешь!

«Куда везти-то... Только в «Центральный»! Но меня туда пустят? И хватит ли денег? Нет, денег хватит, я же с ночи в рейс вышел, выручка приличная... Но меня туда точно не пустят. Разве что я на входе скажу, что брат Максима Столярова!»

– Только в какое-нибудь тихое место, где попроще, ладно? – добавила Рита.

– Ага, – пробормотал Иван, крутя руль. И с облегчением вздохнул. «В нашу столовку Риту тоже нельзя везти. Она для простых. Отправимся в то кафе, которое вчерашние пассажиры хвалили. Прилично и вкусно все там, сказали».

Кафе и вправду оказалось очень приличным и уютным на вид. И место им с Ритой предложили красивое – на застекленном балкончике, а рядом – большое окно, за которым весь город как на ладони.

Меню тоже оказалось очень удобным, с картинками. Сразу видно, где салат, а где котлеты. Иван себе их и заказал. Рита же выбрала рыбное ассорти и попросила белого вина.

Без пальто Рита выглядела совсем тоненькой, изящной, словно статуэтка. Темно-синее облегающее платье, нитка жемчуга на шее. Золотые часики на запястье.

«Нет, я не для нее. У нее, наверное, муж в Москве. Или не муж, но как это... друг. Такая необыкновенная женщина не может быть одна».

Вдруг подбежала женщина, совершенно незнакомая – из посетителей кафе, и, смущаясь, попросила Марго расписаться на салфетке:

– Марго, вы моя любимая писательница! Простите, вашей книги с собой нет...

Марго великодушно расписалась на салфетке. Женщина, улыбаясь, отошла.

Это происшествие еще больше смутило Ивана. Кто он – и кто Рита... Вон, у нее незнакомые люди автографы берут!

– У меня ужасные отношения с моими родными, – безо всякого предисловия начала Рита, глядя в окно. – Мы друг друга едва терпим.

– У тебя хорошая мама, я слышал, – неуверенно произнес Иван.

– А что ты слышал?

– Она купила тебе квартиру в Москве – тогда, давно еще. Да?

– Да. Это было лет пятнадцать назад, а до того я жила на съемных. Распрекрасно жила. Я бы и дальше снимала, но мама сказала, что это неприлично и неудобно. Она купила мне квартиру, заставила меня сделать ремонт, выбрала дизайнера, дала ему указания. Сама подбирала мне мебель... У меня тогда денег на все это не было. Квартира в Москве – дорогое удовольствие. Мама вбухала в эту квартиру все свои тогдашние сбережения.

– Она тебя любит. Если бы не любила, она бы для тебя столько не стала делать.

– Если бы все было так просто... – Рита отпила из бокала, оставив на его краешке бледно-розовый след помады. – Черное – это черное, а белое – это белое. Ха...

– Она тебя попрекает, что ли? – с интересом спросил Иван. Ему очень нравилось говорить с Ритой. Сто лет он с ней не говорил (да и раньше, если вспомнить, они особо не общались), но именно о таких долгих разговорах по душам Иван и мечтал. Это же здорово, когда любимая женщина делится с тобой своими проблемами! А ты спрашиваешь ее, даешь выговориться, подбадриваешь... и прочее...

Неужели это все происходит в реальности? Иван огляделся – кафе, Рита, бокал вина в ее пальцах, аромат ее духов, смешанный со сладковато-теплым запахом влажного меха... Вон оно, ее пальто, висит неподалеку на вешалке. Иван потихоньку ущипнул себя за ногу. Но ничего не исчезло.

– Мама хочет, чтобы я всю жизнь была ей обязана. Ведь знает, знает прекрасно, что я ей тех денег не верну! Если бы были, если бы я заработала столько – давным-давно бы вернула.

– Значит, истории о писательских гонорарах сильно преувеличены? – удивился Иван.

– Еще как. Вот столько авторов, так называемых «топовых». – Рита подняла ладонь, растопырила пальцы, пошевелила ими. – Вот они зарабатывают большие деньги, чтобы квартиры покупать. А все прочие – их много больше – живут весьма скромно. Начинающие авторы – вообще нищие. Я же – где-то посередине. Я не бедствую, но хоть тресни, не могу пока вернуть маме деньги, которые она вложила в покупку квартиры. Да она и не просит... – Рита с досадой махнула рукой и закурила. – Но зато она заставляет меня жить по-своему, понимаешь?

– Ну и ладно, ну и не обращай внимания, – великодушно произнес Иван. – Мамы всегда думают, что знают лучше своих детей, как тем жить.

– Да как же ты не понимаешь... Она словно отвергает меня такую, как я есть. Все мои мысли, мои желания – все они неправильны, по ее мнению. Она меня отвергает целиком, как личность. Полностью перечеркивает всю меня. – Рита зажженной сигаретой нарисовала в воздухе крест. – До смешного доходило... – Она засмеялась. – Хочешь, расскажу?

– Расскажи. Мне интересно.

– Ты славный. Господи, и почему мы раньше с тобой так мало общались? Но ты был совсем ребенком... На пять лет младше Макса?

– На пять.

– Ты славный, очень славный... Я рада, что сейчас тебя встретила. – Она быстрыми, судорожными движениями затушила сигарету в пепельнице. – Все, что я просила у матери в детстве, я получила. Но... Мои желания она всегда словно выворачивала наизнанку. Вот, например, история с пальто. Мне в пятнадцать лет понадобилось новое пальто. А фигура и рост у меня проблемные, сам видишь... Покупать в детском магазине уже неприлично, а во взрослом – таких размеров нет. Словом, решили шить пальто в ателье. И вопрос уперся в выбор ткани. Я просила маму – все, что угодно, любой цвет, только не зеленый. Только не зеленый, умоляю, мамочка! А теперь угадай с одного раза, какого цвета было мое новое пальто?

– Зеленое? – поразился Иван.

– Самого что ни на есть зеленого-зеленого, лягушачьего цвета, зеленее не бывает. Я в нем не ходила почти. Куртка у меня была – вот ею и довольствовалась... – смеясь, болтала Рита, время от времени отпивая из бокала вино. Иван смотрел на нее завороченно – все, что она делала и говорила, каждый ее взгляд, поворот головы казались ему совершенными. – И так каждый раз, представь. Все наоборот, все назло мне! Мама твердит, что желает мне добра, что она хочет как лучше... Что та зеленая ткань была итальянской, отличного качества, а все прочие – российского производства и дрянные. Они пошли бы катышками при носке и прочее, и прочее. Вот как она мне тогда сказала, оправдывая выбор той ткани.

– Забудь уже. Вон у тебя какое красивое пальто сейчас! – успокаивающе произнес Иван.

– Спасибо... Но она его обругала уже, когда я сейчас выходила из дома. Все, что я покупаю, – одежда, обувь и прочее, с ее точки зрения, ужасно. Она еще ни разу не похвалила мой выбор. Наверное, думает, что только она умеет делать покупки. Но я давно ни о чем ее не прошу, я взрослая девочка. На пятом-то десятке... – хихикнула Рита.

– Ты выглядишь на тридцать пять. Нет, на тридцать! – поспешно поправил себя Иван. И он не кривил душой – ведь Рита и в самом деле казалась ему молодой и бесконечно привлекательной женщиной.

– На тридцать... Я тебя обожаю! Маленькая собачка до старости щенок, – довольно пробормотала Рита. – Но ты дослушай... На мое сорокалетие, в том году, она пристала ко мне, точно пиявка: «Такая дата, такая дата, я должна тебе что-то подарить!» Буквально к стенке меня приперла. Я сдалась и сказала ей – хочу тоненькую, тоненькую-тоненькую цепочку из белого золота с маленьким, ма-аленьким бесцветным, прозрачным бриллиантом. И что? Она приехала ко мне в Москву и торжественно преподнесла здоровущую цепь из *рыжего* золота с *большущим красным* булыжником. Рубином, что ли. Раза в три дороже того подарка, о котором я просила... Так и сказала, что ей душа не позволила экономить на родной дочери и она выбрала самую шикарную вещь в подарок.

– И чем плохо? Носи рубин.

– Ваня, милый! Я миниатюрная блондинка, мне мало что идет, я выгляжу вульгарно с корабельной цепью на шее и этим кровавым карбункулом. Да, еще. Моя мама не прочитала ни одной моей книги. Говорит, что может читать только классику. И моя бабушка ни одной моей книги не прочитала, хотя обожает читать, с книжками не расстается... Вот как это можно

объяснить? Я не понимаю. Да, я не Людмила Улицкая. Я детективные мелодрамы пишу, но хотя бы одну мою книжечку кто из них прочитал...

Рита болтала, пила вино, время от времени тыкала вилкой в рыбное ассорти на тарелке, а Иван все смотрел на женщину затуманившимся от нежности взглядом. Но тем не менее улучил момент и спросил:

– Зачем же ты приехала, если тебе тяжело общаться с мамой?

– А, да. – Она вдруг собралась, затихла, стала серьезной. – Я пишу детективы, как я уже сказала. Хотя, конечно, многие утверждают, что это никакие не детективы, а вполне себе полноценные любовные романы... Ну, не важно. Так вот, я сейчас собираю материал для новой книги. И меня очень заинтересовала история со здешним маньяком. Я, Ваня, хочу провести собственное расследование, раз милиция... тьфу, полиция до сих пор не нашла преступника. – Рита отвернулась, закусив губу, о чем-то задумалась.

Иван молчал, выжидательно глядя на женщину.

Она наконец стряхнула с себя оцепенение и посмотрела ему прямо в глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.